

Олег Паршев

Цепи Скорпиона

Ученик Руевита

Олег Паршев
Цепи Скорпиона

«Издательские решения»

Паршев О.

Цепи Скорпиона / О. Паршев — «Издательские решения»,

Что делать, если ты один, а весь мир против тебя? Испугаться, спрятаться, отступить? Нет уж! «Вперёд!» — слышится в топоте коня. «Вперёд!» — откликается стуком сердце. «Вперёд!» — весело кричит верный домовый. «Прорвёмся! — кивает юный князь Святополк. — Роц и свобода!»
И безоглядно устремляется на врага. С улыбкой на устах и светом в душе. Ах, да... причём тут неведомый Скорпион со своими цепями?.. «Вперёд! — восклицает автор. — За мной, читатель! Прорвёмся!» :)

© Паршев О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Цепи Скорпиона

Ученик Руевита

Олег Паршев

Пусть так. Но я пойду вперёд без колебания...
К. Бальмонт.

© Олег Паршев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– 1 —

Святополк выехал из дома ранним утром. Провожала его до ворот только Весена – старая няня и кормилица. Прошептав стих какой-то молитвы, кажется что-то из «Воззвания Нового Пути Белбога» – юноша точно не разобрал – она заплакала и достала из свернутого платка почерневшую от времени деревянную цепь.

– Возьми ее, – услышал он едва уловимый шёпот. – Цепянка эта волшебная. Поможет в трудный час, – и кормилица, утерев слезу, надела цепь на Святополка.

Крепко обнялись, погрузили чуток, глядя друг на друга, и молодой витязь, вскочив на коня, тронулся в путь.

Обличье выдавало в нём воина – кираса, отделанная серебром, закрывала грудь, под доспехом тонким кружевом шуршала кольчуга, меч в ножнах и широкий кинжал, равно пригодный для трапезы и поединка, расположились на поясе, а лук (и колчан со стрелами), облюбовали себе место на спине.

Завершало облачение длинное, но легкое копье, притороченное к рогатому седлу. Туда же, чуть сзади, воин приладил и крутобокий сверкающий шолом (скорее, так – для порядка; он и не собирался его надевать), позволяя прохладному северному ветру приятно оглаживать своё загорелое задумчивое лицо. А повод для задумчивости, между тем, имелся.

Начать хотя б с того, что ничегошеньки о себе Святополк не знал. Все воспоминания начинались аккуратно с того момента как объявились они с Весеной (совсем не такой уж и древней тогда) в домике на отшибе Рудана¹. И сперва он, вроде, и при памяти был, а потом, как ни старался, всё бестолку. Одни обрывки бессвязные, тени да запахи. Это – во-первых.

А во-вторых – иго иноземное. Этот же самый десяток лет (сколь знал он себя), минул с той поры, как армии Бухнадара Аграмбы – Великого Владыки Мокинзара, эмира Скифостана (или Кифии, как называли этот край в Роце), шах-ан-шаха Шигорума, султана Арамека и Маврии – стран Юго-Запада и правителя обширных пространств Курфистана, что раскинулся между Роцем и Южным океаном, вторглись в пределы стран Междуморья – Гиспии, Гринуэлла, Галиндии и Роца².

Все эти годы Святополк прожил под присмотром Весены, потому что (как говорила ему всё та же Весена), никого у него не осталось. Отец его погиб, мать, поседевшая за ночь, умерла от горя. А на расспросы о дядьях и тётках нянька только лишь бормотала что-то тихое да невнятное, мол, да не знаю я, милый... Была тут ещё одна тёмная история. Как-то проговорилась кормилица о сестре Святополка. «Ах, где ж Славка, сестричка твоя?», – так и сказала как-то в полудрёме, но наутро напрочь от слов этих отказалась. И твёрдо стояла своим: «Старая я уж, не помню». И хоть ты тресни!

Пробовал Святополк и с другими о себе говорить. Да с кем? Все всего боялись, от незнакомцев шарахались, ходили торопясь, взоры в землю потупя. А мальчишки соседские – ну откуда б им знать?

А ещё сны были. Разные. Одни – яркие, весёлые. О забавах, проказах всяких, о высоких и светловолосых, ласковых людях – мужчине и женщине. Во сне он хорошо понимал, что это как раз – отец с матерью. И о мелкой белобрысой надоедливой девчонке. Святополк во сне даже имена их знал, но с пробуждением всё куда-то девалось.

¹ Рудан – столица княжества Роц.

² По терминологии Ордена эти страны (вместе с Исвегией, Вамбрией и Доростолом) именовались Средним Севером.

Другие сновидения и запоминать не хотелось – серые, тусклые, с лязгом, скрежетом, с рваными лоскутами кровавого пламени.

Но приходил ещё один сон. Особенный. Он часто виделся.

Тяжелые грозовые тучи кутают небо страшным черным платком. Налетает ветер. Вертится по двору, поднимая пыль, яростный смерч. Стрела Перуна, сверкая, падает за город – в молодой подлесок, который тут же занимается нестройным, брызжущим пламенем. И ударяет о землю тяжёлый дождь. Рокот грома, не медля, проходит по округе, отражается в каждом стекле. Прошлогодние листья, кружатся в диком, неистовом хороводе, взметаются вверх, и там, совсем уж на высоте, над крышей огромного чудесного терема, рассыпаются причудливыми потешными огнями. Святополк, а ему как раз сегодня исполнилось десять лет (отчего сидит он с друзьями за столом, уставленным всевозможными яствами), вскакивает с лавки, едва не опрокидывает какой-то кувшин, подбегает к окну. Позади – он не видит, чувствует – толпятся Яромир, Всеволод и другие ребята, заглядывающие ему через плечо, и совсем уж готов сорваться с его уст призывный крик «Айда!», влекущий на улицу, но... Тут в залу бежит сокольничий Мил, а следом пара здоровенных молодцов – старшие братья Яромира – близнецы Велес и Хорс, названные в честь святых покровителей города. «Детей в подпол!» – страшным голосом кричит Мил... И здесь поднимается страшная суета, давка, неразбериха. И Святополк просыпается.

Конечно, и об этом Весену спрашивал. И имена называл. И что? – как сам с собой поговорил.

В общем, рос Святополк один. Но времени даром не терял, годы попусту не растрчивал. А провёл их в упорных ратных занятиях и учениях. Мечь Бухнадару, освобождение родного города, да что там – города! – всей страны, всего Междуморья! – вот путеводная звезда, что вела и заставляла снова и снова скакать на коне, обучаться с мечом, копьём да луком, лазать по деревьям, и, обитая в лесу, обходиться лишь тем, что сумел добыть сам голыми руками. И потому превратился он теперь в статного воина, готового к лишениям и походам, вполне способного к любым испытаниям.

Нужно заметить, что близкой дружбы с соседскими мальчишками Святополк не свёл. Сторонились они его отчего-то. Иногда таинственно шушукались, завидев. Предложил им как-то отряд сколотить, да они попереглядывались и головами покачали. Бухнадар – он-де большой и страшный, и ратники у него – вон какие: жуткие, мрачные, бородатые, в рыжих кафтанах, и по-роцки ни бельмеса, и разговор у них – как мычит кто-то. Разве ж попрешь супротив этаких?

М-да... Вот и повоюй с ними...

И плюнул на сподвижников Святополк. И на других не надеясь, стал готовить себя к участи смелого и ловкого разведчика, достойного ученика Руевита³, незримо пробирающегося через вражеские заслоны.

– 2 —

Путь молодого витязя лежал между холмов, поросших одуванчиками и земляникой. За холмами – что на север, что на юг, Святополк знал это – простиралась раздольная степь, впереди – на западе – подрагивающее марево на закромке таило густой, безбрежный и полный тревоги Безымянный лес, а над головой парили и о чём-то весело пели вольные птицы, нежась в небесной синеве, вышитой лучиками солнца.

Стёжка, протоптанная редкими путниками, едва виднелась, но славный ржаногривый Ветролёт угадывал желания хозяина и лёгкой рысью нёс его строго на запад – к пределам Безы-

³ Руевит – один из младших богов, покровитель всего тайного и невидимого.

мянного леса, за которым лежали земли Гринуэлла. Где-то там, в старинном замке исчезнувшего графа Плантавейна (во всяком случае, говорили, что там), находилось логово Бухнадара. И этот замок молодой князь обозначил первой своей целью.

Тревожные мысли, блуждавшие в голове, равно, как и пряные запахи трав, однако, никоим образом не мешали воину окидывать цепким взглядом окружающее пространство, посреди которого так и мерещились коварные многочисленные враги, засевшие в засаде. Правда, сколь не озирался, ничего опасного высмотреть не удавалось, о чём витязь даже немного сожалел, потому как побыстрее применить на каком-нибудь «рыжекафтаннике» воинское искусство явно не терпелось.

Так время подбежало к полудню. Святополк подъехал к купе стоявших в открытом поле деревьев, спешился и достал из сумы нехитрый обед, завёрнутый в полотенце. Отпустив Ветролёта погостить, молодой воин расположился в тени старой дикой груши и приступил к трапезе. Впрочем, трапезничал недолго. Солёная оленина и сыр быстро подкрепили непривычного к излишествам путника, и он, завернув остатки еды в холстину, совсем уж собирался спуститься к ручью, пробегавшему меж камней, чтобы утолить жажду, но в это время заржал Ветролёт. А это могло означать только одно: кто-то рядом. И гораздо хуже, что этого «кого-то» он просмотрел. «Тьфу ты, ноги твои зелёные!»⁴ – воскликнул в сердцах Святополк, вскакивая и выхватывая меч. Но это оказалось лишним. Потому что из-за дерева появился не вражеский воин, а низенький, чудаковатого и вполне мирного вида старичок, ряженный в длинный грязный балахон (вполне сходный с мешком, к коему пришили рукава) и красной высокой шапке без полей, но с ушами. Длинная, седая борода и длинные волосы, ниспадающие на плечи, развевались по ветру.

Разглядев незнакомца, юноша опустил клинок и, уважая седины встречного, поклонился, не зная как себя вести. Тот же, кивнув, заговорил:

– Я знал твоего отца, Святополк, и нарочно вышел, чтобы тебя увидеть, так как дорога твоя длинна, трудна и опасна. Цель же далека. И нелегка задача. Ты сам не ведаешь, в какие земли занесёт тебя странствие. А так как я желаю тебе удачи, то решил дать тебе в поводыри одну вещицу, – с этими словами старик протянул молодому человеку поцарапанную серебряную стрелку величиной с ладонь.

– Если заблудишься, – продолжил незнакомец, – положи её на землю, и она укажет дорогу.

Визязь взял стрелку, недоверчиво повертел её, рассматривая.

– Прости, добрый человек, – вымолвил он, – но я не очень понял. Дорогу куда она укажет? И... ты сказал: знал моего отца...

Тут старик метнул из-под косматых бровей такой холодный и колючий взгляд, что Святополк осёкся.

– Туда, куда тебе будет нужно... Да, знал. Да теперь уж и ты скоро всё узнаешь. И вот ещё что: с Черномазиком будь построже, а то он тебе на голову сядет, Бренксу и Грегину от меня кланяйся, а с бароном держи ухо остро, больно уж скользкий тип. И стрелку мою держи под рукой, на случай, если встретишь Караму. Ничуть не промешкай – втыкай ему прямо в сердце, давно пора.

Молодого воина несколько ошеломили злодейские намерения с виду вполне благообразного старичка, однако ж виду он не подал, а только взгляделся повнимательнее, терпеливо ожидая продолжения. Старик же потёр остроклювый нос и быстро сказал:

– Ну всё, пожалуй. Я пошёл, а ты держись. Будь молодцом.

⁴ Выражение восходит к древней легенде о боге Лигнаре, его жене Живе (или Роне, как верят в странах запада, например в Галиндии) и его возлюбленной Мстине. Узнав, что Лигнар полюбил Мстину (смертную девушку), Жива превратила её в дерево (отчего её ноги позеленели) и она не смогла стронуться с места. Таким образом, имеющий «зелёные ноги» – человек нерасторопный, медлительный.

И зашагал прочь.

– Стой! – тут же выкрикнул молодой воин, – ты мне должен всё рассказать! Да стой же! Я не посмотрю, что ты...

Старик обернулся, зыркнул гневно.

– Я же сказал: узнаешь! Вот торопыга! В отца, видать...

И Святополк с ужасом ощутил, что словно пригвождён к месту, и даже ногу сдвинуть не может.

– Да погоди ж ты! – прокричал он тогда снова, видя, что незнакомец почти скрылся в высокой траве, – Как тебя хоть величать-то?

Обладатель красной шапки даже не оглянулся.

– Сте... – только и долетело до Святополка.

– Я не понял, – выкрикнул он снова и кинулся следом, благо земля уж за подошвы не держала, но старика и след простыл.

– 3 —

Чуть потоптавшись на месте и пару раз оглянувшись вокруг, раздумывая над предостережениями да о том, откуда бы мог взяться (и куда подеваться) чудной старик, молодой витязь вернулся под грушу, где остались лежать его пожитки. Подобрал полотенце с остатками трапезы, он сунул свёрток в дорожную суму.

– Эй! – воскликнул тут кто-то хриплым «фальцетто»⁵, – Можно бы и поосторожнее, хозяин.

«Новое дело, – качнув головой, усмехнулся Святополк, – кто-то залез в мою сумку, да ещё называет меня хозяином» Не испугавшись и не колеблясь ни мгновенья, ибо подобные слабости не были присущи молодому воину, он запустил руку внутрь, ухватил нечто копошащееся и вытащил на свет.

– Ты кто? – только и смог промолвить витязь, увидав перед собой непонятное существо, величиной не более локтя, одетое в грязные порты и покрытое то ли перьями, то ли шерстью столь обильно, что безволосым оставалось одно сморщенное личико.

– Сначала отпусти меня! – потребовало нечто, ведь воин продолжал держать его на вытянутой руке, а оно размахивало руками, ногами, корчило рожи, и, судя по всему, нацеливалось плюнуть Святополку прямо в глаз.

Молодой человек осторожно опустил существо на землю. Тогда оно аккуратно, с птичьей грацией, приладило свои перья, а потом заговорило таким голосом, какой можно было бы ожидать от простуженного ребёнка.

– Я – Черномазик. Твой домовый, – гордо, но с ноткой обиды, произнесло существо.

– Интересно, – тут же перебил молодой воин, вынужденный поверить в ожившую на его глазах сказку, – но если ты домовый, то должен быть в первую очередь привязан к дому, а потом уж к хозяину. Как же ты осмелился уйти от родного очага и пуститься в дальнюю дорогу, полную невзгод и приключений?

– Да, это не просто, – согласился маленький дух, покивав, – но, услышав, что тебе в пути грозят страшные опасности, я очень испугался и решил, что моё место должно быть рядом. А, кроме того, я оставил на хозяйстве своего младшего брата. И вообще, я тьму-тьмущую раз спасал тебя от разных бед, когда ты был маленький. На ночь рассказывал сказки... да что там говорить, всегда, по мере сил, старался отводить беду от нашего жилища...

⁵ Заезжие гиспийские песнопевцы иногда нарочно принимались писклявить, изображая детей или женщин. Они-то и ска-зали, что сей хитрый приём «фальцетто» прозывается.

– Спасибо, – поневоле улыбнулся молодой воин, выслушал внезапно учтивую речь маленького духа.– Но, знаешь... вот ты говоришь: спасал меня, но я совсем ничего не помню. Я не знаю, кто я, откуда, кто мои родители... Уж ты-то не станешь мне голову морочить, как этот сердитый старик. Кстати, не знаешь, как его там?

– Да знаю, конечно! Стережный это. Колдун наш местный.

– Колдун? Надо ж!..– не удержался от восклицания Святополк.

– А отец твой – князь роцкий. И ты, стало быть, князь, – продолжил, между тем, домовый спокойно. Обыденно так сказал, мол, «ну, князь, и что такого?».

Но Святополка как жаром окатило.

– Кто я? Князь?! Я? Князь?.. Черномазик, ты, верно, шутишь?

Но тут в разуме витязя словно солнце взошло. И он вспомнил. И отца, и маму, и сестру, и терем княжеский, и всё, что случилось после того, как сокольничий Мил прокричал громовым голосом: «Детей в подпол!».

Няньки, услышав сей грозный окрик, бестолково заметались, перепугано сбились в кучу, и лишь Весена, осознав быстрее других, чтостряслось нечто ужасное, подхватила на руки самых маленьких и устремилась к выходу, по пути отдавая приказания окаменевшим от страха прислужницам – Юне и Ладе.

Будто б снова витязь увидел себя отроком, ощутил, как торопливо, понукаемый Весеной, перебирает ногами, а сам не может отвести взор от мечей, которые сжимают в руках Мил и братья. А с клинков сочится и капает на пол тяжелая багрово-черная кровь. «Откуда же кровь? – но не находилось ответа.– Да что же это? Ведь просто дождь... Или не просто... Или не только... А может с самими Перуном и Дажьдбогом схватились братья Яромира? Да нет, ерунда! И где мама? И отец?».

Нет, не с Перуном и воинством небесным, конечно, сошлись в поединке сокольничий и братья. В город вторглась орда мокинзарского хана Аграмбы по прозвищу Бухнадар, что означало – «Всесильный». Сторожевые дозоры не успели предупредить княжью дружину о набеге. Попросту не готовы оказались они к войне. И гридна войны не ждала. Лишь князь Ратибор – отец Святополка – с горсткой верных ратников некоторое время продолжал биться под стенами города. Но скоро и они полегли под натиском бесчисленной конницы степняков. И великий Рудан пал...

– А тебе не кажется, что мы разболтались? – бесцеремонно перебил домовый вспоминая князя.– И давно пора в дорогу? Ведь скоро вечер, а нам нужен ночлег.

Серьёзная деловитость маленького духа опять заставила Святополка улыбнуться. Да и со здравыми замечаниями как не согласиться? Но молодой воин решил сразу показать кто тут главный. И поэтому, вспомнив указания колдуна Стережного, со всей строгостью произнёс:

– Вот что, Черномазик, коли уж ты за мной увязался, то так тому и быть, но я хочу, чтобы ты кое-что усвоил. Во-первых, – князь загнул указательный палец, – ты мне должен во всём подчиняться. Указывать не можешь, только советовать. Во-вторых, – он загнул средний, – сиди тихо в сумке и не высывайся, пока не скажу. Понял?

Домовой покивал, а после, преданно глядя на хозяина, тихо проговорил:

– А в-третьих, в-четвёртых будет?

И сразу стало не понятно, серьёзно он интересуется или нагло иронизирует. Оттого Святополк, решивший было потрепать домовика по лохматой голове, подумал, что не стоит разводить лишнее панибратство и, сдвинув брови, сурово промолвил:

– Не будет!.. Пока.– И погрозил домовому пальцем.

Рудан отстоял от таинственного и грозного Безымянного леса не более чем на пятьдесят вёрст, а значит, земли Роца заканчивались где-то невдалеке. Молодой, закалённый витязь на добром коне вполне мог бы преодолеть это расстояние гораздо быстрее, чем вышло у Святополка, однако князь избегал дорог. Ведь сколь ни горяч он был, а всё ж прекрасно понимал: не стоит раньше времени ввязываться в бои с «рыжими кафтанами». И не о себе он при этом переживал, а о невинных обитателях родного края. Оно ж, слух о нападении на бухнадаровский отряд распространится, и до Бухнадара дойдёт, и тогда...

Потому держался он только направления и выбирал почти незримые тропки, поскольку по большим дорогам, особенно на перекрёстках, конечно же, стоят походные кибитки с мокинзарскими лучниками, в распоряжении которых маленькие, но выносливые степные лошадки и способ связи с другими мокинзарскими постами – сигнальный костёр, готовый в любую секунду вспыхнуть и взметнуть в воздух тревожную, чёрную гарь.

Домовой, не пытаясь выбраться, послушно сидел в сумке, высунув косматую головёнку, которой постоянно вертел в разные стороны. («Запоминаю дорогу», – пояснил он.) При этом он без умолку болтал, не переходя, впрочем, границ, очерченных Святополком.

Сперва удостоверился домовик в возвращении княжеской памяти. Прямо дознание устроил. А как сомнений не осталось, принялся за размеренное повествование. И Святополк узнал, что...

Взяв город, враг в досталь помародёрничал и двинулся дальше, захватывая страну. А горе и смерть шли с ним рядом. Полыхали дома и поля. Уводились в полон и погибали люди. Дружинники, прослышав о смерти князя, хоронились в лесах. И к концу лета сопротивление почти угасло. Только в Лукоморске, на самом краю роцкой земли, у берега Синего моря, остался его небольшой очаг. Там, создав неприступный форпост («форпост» – это, как бы, крепость такая, пояснил домовик), засели братья Велес и Хорс и их соратники, в том числе («Кстати!») двоюродный брат Святополка Всеволод (сын дядьки Данислава – киричского князя) и Яромир – лучший друг детства. И они поклялись во что бы то ни стало продолжить борьбу. Бухнадар сначала распорядился осадить город. Но после оставил малочисленных гридников в покое, так как особой угрозы для мокинзарского владыки они не представляли...

Но время шло – тяжелое и горькое время. Ратники, скрывавшиеся по лесам и болотам, постепенно возвращались под крыши домов. Поникшие и павшие духом, пытаясь безуспешно гнать чувство вины, закапывали мечи и брались за дела. И когда закончилась голодная и суровая зима, на полях, как и встарь, закипела работа. А там уж и до первых всходов недалеко.

Так что жизнь продолжалась. И все оставалось почти таким же, как прежде, если не считать того, что отныне каждый город платил Бухнадару дань. И эта дань исправно собиралась. А, кроме того, под запретом оказались все старые праздники. Отныне нельзя было в новый год принести в дом охапку луговых трав да сосну душистую, чтобы наполнили они воздух ароматом цветов и смолы, а сердце – предвкушением счастья. Нельзя стало молиться своим богам – даже Триединому⁶. А на месте златоверхих храмов, стоявших в этих краях испокон веку, поставили по приказу Бухнадара капища поганого демона Таджмора, торжества в честь которого нужно было справлять непременно...

Увы, но этот бесовский праздник оказался не единственным нововведением. Непременного веселья требовалось так же в день рождения самого Владыки. И это ещё полбеды. Самое же мерзкое заключалось в том, что праздником отныне считался также день рождения любимой собаки Бухнадара. И некоторые поговаривали даже, что пес Владыки – как раз-то и есть проклятый демон Таджмор⁷, но это, конечно, была уже полная чепуха.

⁶ Триединый (или Триглав) – верховный бог, имеющий три ипостаси: Святovit, Свентовит и Белбог.

⁷ Обычно Таджмор изображался с собачьей головой.

Постепенно, однако, порядки стали смягчаться. Отчасти, видимо, оттого, что народ почти не роптал, и Аграмба имел повод успокоиться, а отчасти (или же вследствие первого), потому что Мокинзарский тиран перебрался в Гринуэлл и увёл с собой основное войско. Оставив в Роце только небольшие отряды, и – под их защитой – спесивых наместников-сатрапов да вороватых данщиков, бывающими в роцких городах наездами. Так что несколько лет спустя, на улицах городов и сел вновь стали слышны старые песни. А кое-где возникали даже изваяния древних богов и начинали отстраиваться трёхглавые храмы.

В общем, домовик оказался, прямо-таки кладезем знаний! И только про сестру Славку (Ярославу, то есть) ничего он не знал. В тот страшный день видел её с Юной. И всё...

Но как же много узнал молодой князь о житье домовых! Открывались такие подробности, что оставалось диву даваться. Оказалось, ночной народец вовсе не прост. Например, род Черномазика по древности намного превосходил род Святополка, а в предках домовик считал такого далёкого пращура, что и представить невозможно. Жил тот, как выходило, в те ещё времена, когда и людей-то на земле не водилось. Да что, людей! Ещё даже «трёглазые» не родились.

– А это кто такие? – удивился молодой воин.

– А... – протянул домовик, – это до вас такие, до людей, то есть, тут обитали. Но мы с ними не дружили, и не служили им никогда. Какие-то они смурные.

– Какие-какие? – переспросил князь с улыбкой, но домовик только махнул мохнатой лапкой, как бы показывая, что не суть важно.

Кроме всего прочего, князь выяснил, что клан его необычного спутника «относится к старинному дворянству», но лично сам домовик «этим никогда не кичится, потому что настоящий вельможа – образец скромности». Самого же Черномазика следовало правильно именовать – Чёрный из рода Мазов, хотя, говоря по чести, так нужно делать не раньше, чем тот женится.

Так же порассказал домовик о странном Стережном. Черномазик знал его ещё с тех пор, как повсюду странствовал со своим дедом, который так же имел тягу к перемене мест.

– И как-то раз, – принялся рассказывать дух, – этот Стережный объявляется в Рудане. Да, причём, не один, а со своими братьями. А величать их также причудливо – Пихто, Капчо и Хохлач. А прошло с тех пор уж лет семьдесят. И давай они у всех спрашивать-расспрашивать, не видал ли кто куска скалы, которая, как человек гуляет и крушит всё подряд. Народ все эти бредни послушал, повспоминал святую Подагу⁸ да от стариков и отделался... Подожди-ка, – перебил себя домовик. – Они уже тогда стариками были, это что же? Значит, им сейчас сколько лет-то? Ну да ладно, Чернобог⁹ с ними, пусть живут себе. Никому, вроде, не мешают. Ну вот, а старики учёными людьми оказались, из фио... сию... Как их – колдунов этих?

– Фиосинисты, – вспомнил Святополк когда-то услышанное название, хотя, что оно значило (и кто они такие), не имел ни малейшего понятия. Так, обрывки. Какой-то «Орден», таинственный замок, некая страна, где обитают волшебники. Дед Всеслав (ещё радость! – деда вспомнил!) говорил: «Придёт время – узнаешь». Видать, не пришло. Да, по всему, и домовик треплется, благо, язык без костей. Ну какой, в самом деле, из этого Стережного колдун? Понятно, что никакой...

Вот так, болтая на всякие интересные темы, путники коротали время. Причём Святополк больше слушал, чем говорил сам. Ведь попутчик ему (то вещающий с занудностью учёного монаха, то верещащий, будто озорной уличный торжник) попался бойкий, разбитной, за словом в карман не лезущий. Бесперебойно сыпал домовик всевозможными прибаутками и присказками, так что сыну Ратибора скучать не приходилось. Но вечер, правда, уже насту-

⁸ Подага – младшая богиня, сестра Поревита и Поренута. Одна из жён Семаргла. По преданию могла насрать на человека (или даже бога) безумие.

⁹ Чернобог – младший брат Триединого (точнее, Белбога). Из зависти к брату перешёл на сторону зла.

пал, и князь направил Ветролёта по более протоптанной дороге, надеясь, что она приведёт в какое-нибудь селение. Чаяния оказались не напрасны – впереди показались неказистые, выстроившиеся в один ряд домики, которые в совокупности прозывались – витязь взгляделся... «Липки», – прочитал домовик на обшарпанном щите, добавив от себя: «Хлипкие». И они въехали в деревню.

– 5 —

Деревня и впрямь выглядела какой-то захудалой. Стены хат давно не белены, крыши – не стелены. Из мутной однообразности выделялся лишь один дом, стоявший несколько на отшибе. Сразу становилось ясно, что хозяин его так же крепок, как и его жилище.

– Вот нам и отдых, – умиротворённо заметил Святополк.

Но домовому изба вовсе не показалась пригодной для постоя. Он потянул князя за рукав и, торопясь, зашептал:

– Нечисто тут, хозяин. Пахнет как-то... И даже домового нет, я сразу учуял.

– Не лезь, – досадливо поморщился воин.

Но в сей раз, он досадовал, правда, на самого себя. Глупо получилось, по-мальчишески, что запретил домовёнку встречать с указаниями. И что теперь делать? Послушаться – значит признать свою ошибку, потерять положение. Плюнуть?.. А во что это выльется? Не выйдет ли хуже?..

– Эх, – выдохнул Святополк и подъехал к воротам. Черномазик же в мгновение ока выскочил из сумки и тут же юркнул в кусты, моментально растворившись в надвигающемся полумраке.

Хозяин, очевидно, ещё издали приметивший приближение всадника, подошёл к воротам и, погремев ключами, распахнул. С полуденным стариком годами они, верно, схожи, тут же отметил Святополк, а вот статью да обликом – совсем не родня.

Высокий. Плотный. Закутанный не по погоде в зелёную епанчу, а под ней полукафтан ещё... хворый что ли?.. Бородища обширна, неухожена, топорщится. Кожаный шлем, с-под которого ни единый волосок не выскакивает. Не стоит – громадится. То хлыстиком плетёным по болотным сапожищам похлещет. То пояс да ножны с мечиком короткожальным огладит. То кольца начищенной железной цепи, на шее висящей, потерябит. Цепь при том, знакомая какая-то. А зыркает так, что и Стережный обзавидуется. Впору коня поворотить. Но назад пятками роцкому князю ходить несподручно – и руки и ноги вывернешь. К тому ж гордость – она одна, другой нету. Не пугаться тут надо, а учтивость проявить.

– Добрый вечер, хозяин, да пребудет над твоим кровом длань богов, – спешившись и поклонившись, проговорил молодой человек. – Могу ли я переночевать у тебя?

Тот бросил на странника новый – теперь уж долгий, оценивающий взгляд и в тон ему произнёс:

– Добрый вечер, путник. Если тебе и твоему коню нужны пища или отдых, то места получше в здешних краях не сыщешь. Скажи только, чем за постой уплатишь?

– Роцкими деньгами, конечно, – удивившись (ну чем ещё, скажите на милость, можно платить в Роце?), ответил Святополк. – За хороший ужин и спокойный сон не пожалею и червонца.

– Червонцы – славная таньга, – кинул старик, – но я согласен на три гривны, плюс цепь, что у тебя на шее.

– О, зачем она тебе? – рассмеялся молодой воин. – Она ж ни ногаты, ни куны¹⁰ не стоит, да я к тому ж всё равно её не отдам. Она мне от предков досталась.

¹⁰ Денежная система в Роце: 1 куна = 4 ногаты, 1 гривна = 10 кун, 1 червонец = 5 гривн.

– Хорошо, пусть будет червонец.

И старик указал на открытую дверь дома.

Комната, в которую попал Святополк, оказалась не роскошнее монашеской кельи. Стол, несколько лавок и печь – вот и вся обстановка. Но хозяин на схимника и близко не походил. И епанча на нём с опушкой собольей, и полукафтанчик бархата тонкого, и ножны, в коих камни блестящие так и посверкивают, лалы, небось какие... Хотя, какая мне разница? – подумал Святополк. Вот, ни образов, ни лампад, ни изваяний – это, и правда, скверно. А может, и это не главное? Вон, зато, как он с делами управился! Ветролёта в стойло отвёл, корм ему задал, на стол проворно накрыл. Обхаял я деда не за что, наверное...

Вечеряли просто, но сытно – сочная жареная телятина, мягкий душистый хлеб, солёный овечий сыр, вино из смородины. Разговор как-то не клеился. На все расспросы старик отвечал односложно, отмалчивался. Только бурчал: «Ты ешь, ешь». Да подливал вина. И вскоре молодой князь понял, что ему необходим отдых, тем более что завтра предстоит переход через лес. А переход этот хотелось бы за один день свершить, ибо ночь в лесу – дело малоприятное, если не сказать: смертельно опасное. Потому, поблагодарив за ужин, молодой воин расплатился и прошёл в отведённую ему комнату, в которой опять-таки ничего, кроме широкого сундука с постелью не увидел. Подумал, куда мог бы запропасться домовый, прилёт, не раздеваясь, и в сон провалился.

– 6 —

Тусклая бесцветная пустошь простиралась окрест. Унылой равниной тянулась она, не оживляемая даже сыпучими дюнами, утопая в печальной тени и скрывая вдали свой край. Хотя – кто его знает? – возможно, и вовсе не имелось тут концов и начал, а существовала лишь бессмысленная серая мгла, обнимающая потерянную богами страну. Гнетущей безбрежностью, от которой мутило разум, пугала она. И горизонт – вечный поводырь и напарник одинокого странника – не лежал вокруг натянутой чёрной нитью, разделяя горние и земное, а, забывая своё предназначенье, скрывался из глаз.

И не виделось здесь птиц и животных, и чахлах травинок, и сухоногой мелюзги под ногами, всегда и повсюду спешащей по своим букашым делам. И песок не шуршал. И не дул вольный ветер. И солнце с луной не сменяли друг друга на тверди небесной. И даже небо над головой исчезло, явив вместо себя мутное отражение пустыни. И почудилось витязю, что время завершило свой ход. А сам он – в местах, из которых не выбраться ему никогда. И тогда он устал. Тело сковала судорога, а сердце – тяжёлая скорбь.

Он опустился на колени, уступая усталости, и ощутил под руками поверхность. Она была мягкой, отчего-то пушистой и напоминала... Черномазика!

– 7 —

Лёгкий, но болезненный укол разбудил Святополка. Тут же вскочив и выхватив кинжал, с которым не расставался даже во сне, он разглядел маленькую фигурку домового.

– Ты с ума сошёл, – буркнул недовольно князь, но домовик тут же закрыл ему рот своей мохнатой ручкой.

– Тихо, хозяин, – прошептал он. – Мигом вылезай в окно. Оно уже открыто и Ветролёт во дворе.

Домовик беспокоился не шутку. Поэтому витязь без лишних слов последовал за ним и выбрался наружу.

Ветролёт с лёгкостью перемахнул высокий забор, и вскоре путники достаточно далеко отделились от дома, в котором Святополк так малоудачно заночевал. Тогда Черномазик, который сидел впереди, уцепившись за гриву, что-то шепнул коню, и тот перешёл на шаг.

– Так что же случилось? – уже не ощущая беспокойства, что передалось от домовика, спросил князь.

– Случилось то, хозяин, – молвил домовой, – что вино было отравлено. И тебе не суждено уж было проснуться. Да вовремя подоспел я. В ногте моего мизинца есть маленький кусочек жизни. Не уколи я тебя, так бы ты и спал вечным сном. А так и ты жив, и цепь твоя при тебе. Мы – домовые – народ ночной. Днём спим, а ночью гуляем да с котами дерёмся. Вот ходил, я ходил вокруг изгороди и слышу: этот колдун, ну, старик этот лысый, Ма-ар его звать, говорит своему приятелю тихо так: «Мальчишка сейчас помрёт, я его вином отравленным опоил, тогда войдём и цепь с него снимем. Стало быть, две уже будет. А потом уж потешишься, хлебнёшь крови человеческой. А тот, весь зелёный, что на лягушку похож (ну, это я уже на забор залез – в окно смотрел), спорит. Рычит, цокает, сейчас, мол, хочу – пока живой. А старик его не пускает. Вот тут я кинулся за Ветролётом, а потом за тобой. Хвала всем богам, успел! Не то худо б тебе было. Да не то – худо, а помер бы ты, хозяин, да и всё».

Услыхав этот рассказ, молодой воин поневоле содрогнулся и действительно возблагодарил богов. А затем крепко пожал пушистую ручку домового и проговорил:

– Спасибо, дружок, ты спас меня. А я ведь, грешным делом, думал, будешь мне помехой.

Через некоторое время путники остановились на самом краю Безымянного леса и расседлали коня. Святополк лёг подремать, а Черномазик, как и положено домовому, не смыкал глаз до утра.

– 8 —

Пока молодой князь с присущей молодости безмятежностью спал, а домовый карабкался по ветвям в поисках сочных древесных улиток, в доме, что оставили они так поспешно, происходил следующий разговор:

– Не сносить, не сносить мне головы, – нервно прохаживаясь, говорил старик, – да, если вдруг не один вернётся, то... Да и тебе несдобровать...

– Никто не виноват, Ма-ар, что тебе ещё одну цепь захотелось, – проскрежетал недовольно его серо-зелёный, покрытый шипами собеседник, явно не принадлежащий к человеческому роду. – А точно ли – князь?

– Да вот же, – Ма-ар ткнул пальцем в клочок папируса картажской харты¹¹. – Под описание точь-в-точь подходит. Смотри: «Скроен ладно. Росту два аршина и десять вершков. Лицо румяное. Усы и борода еле пробиваются».

– Ну, Таджмор с ним, – откликнулся нечистый.

– Вот что, Карам, – промолвил тогда колдун, – лети и найди их. Князя убей, а домашнего тащи сюда. Сварю с него приворотное зелье, сам нарвался.

Упырь спорить не стал. А, открыв окно и расправив крылья, взмыл в ночное, среброглазое от звёзд небо.

¹¹ Папирус ценного сорта. Изготовлен в Картагии – на севере Чёрного континента.

Глава 2

– 1 —

– Слушай, дружище, – спросил Святополк, – а тот, который у колдуна, он, случайно, не водяной? Они, как будто, тоже зелёные и всё маскируются. То под тину речную, то под ряску рябую.

– Зелёные-то они, зелёные, да только это не водяной, – уверенно ответил Черномазик. – У водяных (а я их повидал в детстве – о-го-го!), ушей совсем нет – просто дырка. А ещё у этого вместо рта и носа – не то клюв, не то рыло. А водяные – так те с носом, хоть и расплюснутым. И рот у них на месте, как у всех порядочных... ну, как у нас с тобой. Вот губы у них толстые. И, к тому же, водовики, они все, как один, волосатые и бородатые. Кроме маленьких, конечно. А эта страхопета, точно: лягушка лягушкой, хоть бы один волосок где вылез. Прямо, ырапская невеста¹².

Не очень понял Святополк, к чему именно относится последнее замечание домового – к отсутствию волос или всецело к мерзкой внешности упыря, но Карам явно произвёл на Черномазика неизгладимое впечатление.

– А что он говорил про цепь? – вспомнил молодой воин, снимая с шеи свою.

Пожалуй, впервые (если не считать того случая, когда в пятилетнем возрасте вытащил из рундука, долго вертел в руках, разглядывал, а потом едва не упустил в колодец), Святополк решил хорошенько её рассмотреть. А штука, между тем, внимания стоила! Изготовили её из деревянных колец, совершенно удивительным образом – без швов и распилов – вдетых друг в друга. Оттого, как ни крути, не верти, а непонятно – не обошлось тут без колдовства или же она вышла из рук искусного мастера, не имеющего о магии никакого представления, но зато понимающего толк в своём ремесле? Насчитывалось в ней тридцать семь звеньев, выточенных из деревьев разных пород – дуба, сосны, каштана, клёна, берёзы, платана и вишни. Но об этом молодой князь знал, единственно, из рассказов Весены, так как одинаковые чёрные кольца почти ничем не различались.

– Ах, вот в чём дело! – воскликнул, осенённый внезапной догадкой сын Ратибора, выслушав ответ Черномазика. – Я понял, почему цепь колдуна... как его? Ма-ар? Что ж за имена у них? – язык вывернешь!.. Почему она знакомой мне показалась. Она ж чем-то на мою похожа! Правда, та железная. Но зачем ему две? Как он сказал: «Две уже будет»?.. Уже...

– Да ладно тебе, хватит потолок лампадить¹³, – отмахнулся домовый. – По ходу разберёмся.

Коротая время беседой (причём домовик, рискуя получить пару щелчков по мохнатому лбу, постоянно – шутивными подначками – испытывал терпение молодого князя), странники углубились в лес, который с каждым шагом становился всё гуще и гуще. И наконец, загустел так, что Ветролёт с трудом протискивался, по исчезающей в чаще, тропе. Отчего Святополку время от времени приходилось спешиваться, чтоб, орудуя мечом, расчищать путь.

– 2 —

Часам к одиннадцати (как определил молодой витязь по едва видневшемуся меж густых ветвей солнцу), путники с облегчением обнаружили, что лес становится реже. А ещё через

¹² Ырап – город-порт в Мокинзаре, на берегу Южного океана. В Доростоле и на севере Роца «ырапскими невестами» называют садовых жаб. Этимология фразеологизма не известна.

¹³ «Лампадить потолок» – задумываться о разных ненужных вещах.

пару минут деревья совсем расступились, и они с радостью выбрались из хитросплетения стволов, корней и листьев, оказавшись на берегу довольно большого круглого озера, что раскинулось в центре такой же круглой поляны. Ничуть не кривя душой, князь вознёс молитву богам и подошёл к воде.

– А я это место знаю, – оглядевшись, произнёс домовый. – Это озеро Вэрэнзер. Вода в нём сладкая-я... – он закатил глаза, – и чиста необыкновенно.

Не успел он проговорить, как озеро забурлило, вспенилось, и на берег, фыркающая и отряхиваясь, выскочил гигантский чёрный зверь.

– Медведь! – вскричал Черномазик, опрометью взлетая на дерево.

Святополк же отбросил суму, в которой уж было начал отыскивать провизию, привстал и взметнул над головою клинок. Если нужда – так оборонимся, а зазря чудовище озёрное обижать – доблесть не великая. Как рассудил – так и вышло.

Со свистом вылетела из воды огромная сеть, накрыла, оплела зверя. Тот, рыча, покотился по траве, пытаясь перегрызть верёвки и вырваться на волю. А пятеро водяных, немедля вылезших из озера (Святополк сразу же узнал их по описанию домового), подбежали к бьющемуся в ярости животному и мигом опутали широкими кожаными ремнями. И только потом, тяжело отдуваясь и беззлобно переругиваясь, заметили князя, который стоял на краю поляны, опираясь на меч, и разглядывал теперь уж водяных.

Экие крепкие парни, подумалось тут же. И с обворужением у них полный порядок. У троих – трезубцы, у двоих – гарпуны. Куртки и короткие штаны серо-зелёные, будто из водорослей. Зато, перламутром расшиты, и жемчугом даже.

– Зачем ты здесь, человек? Что делаешь на берегу нашего озера? – гортанным булькающим рокотом, сделав пару шагов в сторону витязя, произнес один из водяных, верно, старший, так как остальные молчали.

– Я – просто путник, – улыбнувшись, отвечал князь. – Решил остановиться здесь, чтобы поесть и немного отдохнуть.

– Простые путники не носят серебряных лат, – сказал тогда обитатель озера. – К тому же, страннику более к лицу палица, нежели боевой клинок.

– Послушай, – тихо проговорил тогда молодой воин, мысленно убеждая себя не горячиться, – я не ищу ссору ни с вами, ни с кем-нибудь другим. Но ещё более, я не охотник отвечать на всякие распросы, что касаются меня и моего пути. А посему, коль не позволите пойти отсюда с миром, подобру-поздорову, то принужден я буду атаковать вас, невзирая на ваше превосходство. И вам придётся защищаться.

– Ого! – рассмеялся водяной, – Нам защищаться? На берегах Вэра нам так ещё никто не дерзил. – И перехватив тризуб поухватестее, принамерился пригвоздить наглеца к дереву. Святополк же, выкрикнув свой боевой клич «Рок и свобода!», изготовился к отражению удара. Казалось, обоюдная вспылчивость уже не оставила надежд к примирению, но здесь мелькнула маленькая серая тень, и между противниками оказался спрыгнувший с дерева Черномазик.

– Не могли бы вы немного подождать?! – вскидывая вверх обе руки, что было сил, завопил он.

– Ещё и дожили под ногами путаются, – недовольно пробулькал водовик, отходя на шаг, но, не опуская, впрочем, трезубца.

А Черномазику и этой паузы было довольно.

– Тёплой воды вам, уважаемые водяные, – тут же затараторил он, слегка поклонившись. – И не нужно меня обижать. Я вовсе не путаюсь у вас под ногами, а приехал из дальних краёв для того, чтобы узнать, жива ли ещё старая русалка Чудина. А если да, то передать ей привет от своего деда Конника из рода Мазов.

Вот тут уже водяной опустил оружие и оценивающе оглядел маленького взъерошенного духа, который посмел вмешаться. Да и Святополк посмотрел на своего попутчика так, словно увидел его впервые.

– Так твой дед – старый Конник? – спросил обитатель озера. – И ты можешь это доказать?

– Конечно, – бодро отвечал Черномазик. – Спрашивайте, чего хотите, а лучше кликните Чудину, если она жива и здорова. Она меня признает.

По знаку старшего, двое, что стояли ближе к воде, нырнули и скрылись в глубине.

– Чудина уже стара, – обернулся к домовому один из водяных, – и пройдёт время, прежде чем она сможет подняться. Надо обождать.

Слова Черномазика ещё предстояло проверить, но напряжение спало. А враждебность сменилась взаимным интересом.

С любопытством оглядев страшного зверя, появившегося из воды, Святополк, обратился за разъяснением к водяным.

– Это зуба – водяной медведь, – пробасил один из них. – Животина тихая, почти ручная, но иногда чего-то бесится и удирает на берег. Говорящая тварь, хоть и соображает туговато.

Молодой витязь подошёл к связанному зверю. Морда, и впрямь, медвежья, но всё тело покрыто крупной чешуёй, и не лапы, а ласты, как у тюленей, которых Святополк видел давным-давно в небольшом рыбацком городке Вята.

Разглядывая «тюлямеда» (как молодой князь мысленно прозвал водяное чудо), он не заметил, как на поверхности водоёма показалась старая русалка. Она не вышла на берег (в отличие от водяных, русалки ног не имеют), а лишь подплыла ближе к берегу. Едва заметив Черномазика, она всплеснула руками и обрадовано воскликнула:

– Ну, конечно, он! Он это!

А маленький дух шлёпнулся в воду и, повиснув на шее русалки, прокричал:

– Бабушка Чудинка, как я рад тебя видеть!

Тут лёд недоверия раскололся. Все сразу заулыбались, заговорили. Двух молодых русалок, появившихся следом за Чудиной, отправили за едой, и вскоре Святополк с Черномазиком сидели в окружении водяных, пробуя разносолы леса.

– 3 —

Племя Бобра, к которому принадлежали обитавшие здесь водяные, издревле жило в мире с людьми, лешими, домовыми, словом, со всеми живыми существами, за исключением болотных кикимор, которых не терпели за непредсказуемость и злобу. Не одну сотню лет подводный народ мастерил свои нехитрые изделия – сети, прочнее которых не бывало, бусы из перламутра и жемчуга, секретом выращивания которого владели, – а потом предлагал их в обмен за вещи из металла. И, главным образом, за оружие, ведь водяной без трезубца или ножа – не водяной!

Безымянный лес, полный рек и озёр, являлся настоящей страной водяных, где общение с сородичами – дело необходимое. Хотя б, потому, что будущую жену молодым воинам приходилось искать в другом племени, ведь русалки не могли перемещаться по суше. Оттого все мужчины Бобров вышли когда-то из других родов – Выдры, Сома или Рака. И каждый из них имел по два имени. К примеру, старшего, с которым молодой князь поменялся ножами в знак уважения и дружбы, звали Омутник Бобр, сын Перекатника Выдры.

Уютно чувствовали себя Святополк и Черномазик в гостях у водяных, да час расставания подошёл. Дорога через лес ещё намечалась долгая, потому, наевшись до отвала, путники распрощались с радушными хозяевами и тронулись в путь, вспоминая славное угощение, которое оказалось вполне пригодным в пищу для человека и домового.

– 4 —

– Опять ты меня уберёг, – сказал сын Ратибора своему маленькому товарищу, когда они отъехали от озера и снова углубились в лес.

– Да, хозяин, на наше счастье, именно сюда ходили мы много раз с моим дедом, когда я был ещё малышом. Как говорится, сызмальства. Эта русалка – Чудинка – была тогда молодой и... как влюбится в одного витязя! Полбеда, что человек, а совсем беда, что мёртвый. Заколотый на берегу... А русалка его, как увидела, так и... Ну, в общем, заколдовала его, затащила в пещерку подводную и плавала вокруг, ждала, что проснётся. Ну, напрасно, конечно. Так не бывает. Чудо, почему-то всегда не там, где нужно... Как её не пытались отвлечь – без проку! А тут мы как-то с дедом пришли купить у них рыбы. А надо сказать, дед мой мог немного ворожить, сейчас-то уж нет, старый стал, а раньше ещё как умел. Так вот, дед столько сил положил! Ходил сюда, наверное, тысячу раз, а таки заклятие с Чудинки снял. И, как видишь, она до сих пор благодарна. А я тогда всё за дедом хвостом ходил, меня так и прозвали – «конский хвостик».

Дорога, что вела от озера вглубь леса, оказалась, против всякого ожидания, вполне ухоженной. Означать это могло, скорее всего, одно – то, что идёт она к мосту через могучий Нейс, широкое русло которого прорезало Безымянный лес с севера на юго-запад. Это ведь мелких рек и речушек здесь протекало видимо-невидимо, а больших имелось только две – Нейс и Веймон.

Святополк бросил взгляд вверх – на солнце, пытаясь прикинуть, который час. Выходило, что уже почти два пополудни, а они, между тем, пока ой как далеки от цели и даже не добрались ещё до реки. «Что-то здесь не так, – пробурчал князь, – мы не заблудились – это точно. Но почему мы не прошли и трети пути по лесу?»

– Эй, оруженосец, – обратился он к домовому, – а не леший нас тут кругами водит?

– Какой леший? – отозвался тот. – Вода впереди, Ветролёт уже учуял.

– Ну-ка, знаешь что, покопайся в суме. Там где-то карта.

Чертёж этот являлся настоящей гордостью князя. Над ней потрудились многие поколения его предков, а основывалась она на первом описании Роца и его окрестностей, которое составил ещё три сотни лет назад достославный Путята из рода Мирославичей по прозвищу Перст. Он побывал повсюду: в Гиспии – на берегу Западного океана, в Мокинзаре и Курфистане – на берегу Южного. И ещё дальше на юг забирался, наведываясь в Шигорум, Гаузию, Маврию и Арамек. Забрёдал в Галиндию, Гринуэлл и Вамбрию. А уж Роц и Доростол – единое тогда государство – он изъездил вдоль и поперёк. Немало заметок оставил на карте и дед Святополка – Всеслав Большой. Со своей дружиной, а большей частью в одиночку, не единожды уходил он в дальние страны. И, чаще всего, на север – за Бесконечные горы. Что он там делал, что видел и кого встречал – осталось, впрочем, тайной, которую дед унёс с собой в могилу. И на севере карта была размечена не далее, чем до гряды гор, которая тянулась с востока, от побережья Синего моря, до вод Западного океана.

Вот эту карту (рулон пергамента размером локоть на два) и разложил на коленях, спешившийся Святополк.

– О, великий Хорс, – взглядевшись, обескуражено прошептал он, – лес... Черномазик, лес! Он вырос! Что ж нам теперь делать? Мы ж не поспеем до вечера!

– Значит, нужно искать ночлега где-то тут, – беззаботно прошептал домовый. – Но давайте перейдём речку.

– 5 —

В лесу Нейс оказался не особо широк, но даже тут пловцу понадобились бы значительные усилия, чтоб добраться до противоположного берега. Поэтому добротный мост, неизвестно

когда и кем здесь – в медвежьем углу – возведённый, оказался весьма кстати. К нему-то молодой князь и направил Ветролёта, попутно взглядываясь в происходящее на самой середине переправы. А происходящее князю чрезвычайно не нравилось. Так как виднелись там «рыжие кафтаны».

– Сколько их, Черномазик? – вполголоса спросил воин.

– Пятеро.

– Всего-то?

Князь наскоро проверил своё вооружение и!..

– Может, не надо?! – отчаянно выкрикнул домовый.

Напрасно!

Спустя мгновение Святополк с копьём наперевес врезался в «рыжих», которые к этому времени уже успели одолеть переправу и достигнуть другого берега. Замешательство в их рядах он произвёл необыкновенное. Повергнув одного, он отбросил ненужное в ближнем бою копье, спрыгнул с коня и обернулся к остальным. Но те уже подготовились к схватке, схватились за мечи и дружно накинулись на невесть откуда взявшегося противника.

Рубка намечалась жестокая, но толк в этом деле Святополк знал. Среди товарищей его удальских забав не часто находилось таких, кто б выстоял против него даже втроём. Оттого не торопясь, но поспешая, стоя спиной к дереву, орудуя мечом и кинжалом, витязь принялся аккуратно парировать удары. При сём приглядывался к манере каждого, отыскивал слабые места. И таковые вскоре обнаружили. Тот, кто находился правее, неудобно стоял. Одна нога опирается на кочку, а вторая погрузилась в перину прошлогодней листвы. Другой, что слева – низенький, короткорукий толстяк. То, что телом пышен, оно, конечно, к делу безотносительно, а вот что короткорукий... Третий – по центру – наоборот, долговяз и жилист, но с мечом обращаться не умеет, машет им, как жердиной с забора выломанной. Сразу видно – деревенщина... А самым опасным, пожалуй, выходит четвёртый – высоченный здоровяк и, по всему, опытный, закалённый боец. Трое других ему мешали, и он пока в схватку по-настоящему не вступил. Выжидает, тоже приглядывается. Ну, что ж, вроде, всё ясно. А раз ясно – вперёд!

И князь пошёл в атаку. Сначала он сделал ложный выпад влево, вынырнул из-под рубящего удара «среднего», и, слегка присев, подсёк «правому» ногу мечём. Тот завалился набок, а Святополк, мгновенно парировав новый замах того, что стоял по центру, вонзил нож «левому» прямо в сердце. Вот так! Теперь – третий. Князь отразил ещё один удар, сделал подножку, крутанул клинком, и послушное лезвие вошло поверженному в горло. С этим – всё, дело техники. Теперь, самое сложное – четвёртый.

А «четвёртый» уже ринулся в бой. Кинжал, направленный молодому витязю в горло, угодил в цепь, которая, рассыпавшись веером, упала в траву. Уберегла она витязя, но мощный выпад мокинзарца сшиб с ног, дыхание перехватило. Свалился больно, на камни, но разве ж это – повод в изнеможенье впадать? Не до немочей покуда! И, пружинисто подпрыгнув, Святополк принялся отражать удары, что посыпались на него, как с рога изобилия. Вот теперь уже требовался простор. Дерево за спиной мешало. Найти б более подходящее место. Но где ж его взять? С левой стороны – нагромождение огромных валунов, меж которыми, образуя мелкие водопады, спешит ручеёк, с правой – круто уходит вниз подмытый рекою берег. Что ж... отступим к ручью...

Спокойными, точными движениями, осторожно пяясь, Святополк сдерживал натиск «рыжего». Таким манером добрался до первого валуна, перескочил на него и сделал сверху несколько выпадов. Позиция, возвышающая над противником, выходила выгодной, кабы устоять. Но бугристая поверхность камня удерживать князя не хотела. Пришлось спрыгнуть в ручей и биться чуть не по колено в воде. И всё б ничего, да течение сносит, а противник – совсем не добыча. «Силён, бухнадарская морда, – подумал князь. – И рубака отменный. Ну, да ничего, не таких валили». Однако «рыжий кафтан» валиться не думал. Более того, он явно

пытался оттеснить Святополка к берегу, а уж там, где деваться некуда, провести завершающую атаку. Молодой витязь прекрасно это понимал, но, уступая напору, продолжал отходить, перемещаясь от дерева к дереву, от камня к камню. Увы, вечно так продолжаться не могло, и за спиной витязя распахнулась зияющая пустота обрыва, где внизу, сердито ворча, гнал свои воды на север ревуший Нейс.

«Рыжий» опустил меч, посмотрел. Князь взгляда не отвёл, и некоторое время противники безмолвно взирали друг на друга.

– Ва?¹⁴ – нарушил, наконец, молчание мокинзарский воин.

– Да пошёл, ты, – злясь на себя, буркнул Святополк, впрочем, пытаясь по достоинству оценить внезапное благородство соперника.

– Марэ¹⁵, – с сожалением пожал плечами вражеский воин и молнией метнулся вперёд.

Но как ни скор был «рыжий кафтан», молодой витязь оказался проворнее. Он предполагал подобный разворот событий и мгновеньем раньше уклонился влево. А, уже падая, сделал колющий выпад мечом.

С хрустом разрывая кольчугу, клинок свершил своё кровавое дело. Бухнадаровец, ещё не понимая, что всё кончено, и не обретя ожидаемой опоры, низринул в пропасть. А секундой позже, окончательно потеряв равновесие, следом за ним полетел и Святополк. Некоторое время враги скользили по влажной глине отвесного берега, а затем погрузились в воду. Нейс, безразличный к исходу поединка между людьми, тут же подхватил их и потащил в глубину.

– 6 —

Святополк открыл глаза. Он лежал на берегу, а вокруг высились стройные фигуры водяных.

– А где «рыжий»? – спросил, он закашлявшись. Кое-как поднявшись на ноги, оглядел себя. Воду бы хоть с сапог слить, да чуть потерпеть придётся.

– Ты убил его, а после он утонул, – лаконично промолвил обитатель воды. – Мы всё видели. Вот твой меч. Лучше скажи, кто ты?

Князь назвался. А потом добавил:

– Я друг Омутника Бобра, сына Перекатника Выдры.

– Мы – Выдры, а Омутник наш брат... Доказать то, что сказал, можешь?

– Опять, – проворчал князь, досадуя на недоверчивость водовиков. – Конечно, могу. Ножами мы поменялись... Ох! Только я его потерял. Найти надо.

– Он здесь. Мы нашли.

– Так что же ещё?

– А если ты его убил, а нож взял себе?

– О, Мокошь¹⁶ и Руевит! – простонал молодой витязь. – Что ж мне делать?

– Хорошо, – видимо что-то решив, ответил водяной. – Мы позовём судью. – И махнул кому-то рукой.

Вот за что князю понравились водяные, так это за то, что ждать не заставляли. И совсем скоро позади возникло какое-то оживление. Обернувшись, молодой человек увидел, что приближаются трое Выдр и с ними ещё нечто.

– Леший, – пояснил водяной. – Он судья.

¹⁴ Что? Здесь: ну, что? (курфи – язык Курфистана и Мокинзара).

¹⁵ Жаль (курфи).

¹⁶ Мокошь (или Мокша) – младшая богиня, покровительница всех, попавших в беду. Однако просить её помощи напрасно не стоит, разозлиться и тогда уж точно, беды не оберёшься.

Воин ничего не ответил, только поморщился, да тремя пальцами прикоснулся ко лбу, испросив помощи Триединого.

А леший, тем временем, уже приступил к своим обязанностям. Он, кряхтя, уселся на пенёк, растёр между лап-веток горсть земли, что-то шипло побормотал, а затем приложил нож к обрубку ствола, который заменял ему голову. На судью он походил мало, скорее, на старый кряжистый дубок, который в детстве приболел, а потому не вырос, но дела это не меняло. Судья, так судья. «Посмотрим, что за извол в его деревянной башке родится», – изготовившись к самому худшему, решил Святополк и собрался слушать.

Леший же, впрочем, окружающих томиться не заставил.

– Не виновен! – проскрипел он, поднимаясь с пенька.

Князь облегчённо выдохнул.

– Я свободен?

– Да, конечно, – ответил за всех лесовик. – Если что, нужда какая – обращайся. Всегда помогу. Меня зовут Дуб.

– Я так и знал. А меня...

– Я знаю, я увидел, – не совсем понятно для сына Ратибора отвечал лесовик и, похлопав его по плечу ветвящейся лапой, добавил:– Можешь идти, если, конечно, не хочешь задержаться в компании подводных.

– Я б задержался, да дела.

И Святополк, кивнув всем присутствующим в знак прощанья, и прихватив лежащее на песке оружие – кинжал и меч, – направился вглубь леса.

– 7 —

А дела, между тем, были скверные. Только «белое» оружие – нож да меч на месте, спасибо водяным. А вот всё остальное – цепь, конь, шлем, копьё... Да что копьё! Где Черномазик?

– Не печалься, добрый молодец, – услышал тут Святополк знакомый хриплый фальцет. – Твой оруженосец никуда не делся. Вот он – я.

И домовой выглянул из-за дерева.

– Всё нашёл, всё, – проговорил он. – И щит, и копьё, и даже цепь собрал, на нитку нанизал. А Ветролёт вон – за деревьями, пошли.

«Слава Триединому», – подумалось молодому князю, когда он увидел, что верный конь цел и невредим. Но это ещё что? Рядом с Ветролётом стоят люди какие-то. Мужчина, женщина и маленькая девочка. Подойдя ближе, витязь разглядел, что одеты незнакомцы по—доростольски.

– Доброго дня вам, – приветствовал их витязь. – Откуда вы здесь?

К удивлению сына Ратибора, все трое тут же рухнули перед ним на колени и хором запричитали:

– Спасибо, спасибо тебе, вельможный князе! Да дадут тебе боги гарну невесту та калиту побильше.

– Э-э! – воскликнул Святополк, пытаясь поднять их на ноги. – Какой я вам «вельможный»? И почему, «князь»?

– Так доспех больно богатый, – ответил мужчина.

«Да что ж такое, снова „доспех“... серебряные, что б их, латы! – подумал молодой ратник. – Выкинуть их что ли»? А вслух спросил:

– А спасибо за что?

– Та ты ж спас нас! Псы рыжехвостые нас в полон волокли!

– А, вот в чём дело. Тогда ясно. А вы, что, из Доростола, что ли?

– Э Доростолу, так.

И спасённые начали наперебой рассказывать, как жили они, что делали, и как на хутор налетели бухнадаровцы, схватили их и увезли. А девочка во все глаза смотрела на домового, прячась за спиной отца.

– Ну, шо ты на него осиишь¹⁷, як бобрец на п`лкевое знаме? – заметил испуг дочки мужчина.– То ж барабаш. У нашей хате таких под крышей цельный гурт столовался.

«Как бобр на полковое знамя, – улыбнулся сравнению Святополк. – У нас обычно говорят: как баран... А вот с «бобром» они бы потише, не приведи, водяные услышат. Попротыкают острогами к Чернобогу. Шутки они не очень «разумиют».

– И куда вы теперь? – поинтересовался князь.

– Та з вами бы, ясный рльцарь... спокойнее, – просящим тоном проговорил мужчина и, не совсем кстати, добавил:– Как-то мы не змовили¹⁸, я – Огнен, то, – он указал на жену, – Златка, а то – доча наша – Ниточкой кличут.

– Вам бы – домой, – сказал молодой князь, – а не со мною. Я ведь в Гринуэлл. Не по пути.

– Та нет, славный пане, нам бы з вами, – повторил Огнен.– Скрозь лес хлопот велико.

– Ну, как знаете, – разведя руками, произнёс Святополк.– С нами, так с нами.

Отблагодарить своих спасителей Огнену и Златке было нечем, поэтому они предложили Святополку и Черномазику с ними отужинать. Тем, что «Жива послала».

И всё было прекрасно, лишь домовый, присевший чуть в стороне, обиженно ворчал:

– Какой я им барабаш? Нашли барабаша...

– 8 —

Небесный свет медленно угасал. По лесу лениво, как бы задумчиво, растекался сумрак, мягкими лапками нежно обнимая всё, что окрест: деревья и травы, зверей и птиц, всё, до чего мог дотянуться. Побаивался он лезть только в кидающийся искрами костёр, вокруг которого расположились люди.

Девочка спала. Златка, Огнен и Святополк дремали. Лишь домовый, сидя поодаль, всё что-то недовольно ворчал себе под нос.

– Ладно, – не выдержал князь.– Рассказывай. А то выглядишь, как клоп в постный день.

– Да, что рассказывать? – отозвался Черномазик. – Обозвали «барабашем», а я им, вроде, ничего плохого не сделал. Ещё б: суседко сказали...

– А барабаш, это кто? Я тоже не знаю, – сдержав смешок, прошептал молодой витязь.

– Это домовик такой сиволапый, что по хуторам живёт. А мы, домовые – крови благородной! Понял?

– Всё понял, не шипи, – сказал Святополк.– Не то я тебя точно, по совету Стерезного, воспитывать начну. Да и разбудишь всех... А на них обижаться нечего. Они и сами не из столовых. Откуда им знать?

– Уже молчу, – с готовностью кивнул головой Черномазик, и не сильно, наверное, обиженный, а, скорее всего, только лишь желавший услышать утешения князя.– Уговорил. Ты вот что, вельможный... Извини, шучу, я хотел сказать, хозяин... ложись-ка спать, а я постерегу. Но, уговор: не встречай завтра ни в какие свары. А? Дай хоть днём выспаться.

Святополк усмехнулся, покачал головой, потом потрепал домового по косматой макушке и лёг.

– 9 —

¹⁷ Смотришь (диалект юго-западного Доростола).

¹⁸ Сказали (ю.-з. дорост).

Но и в эту ночь Святополку поспать не удалось.

– Вставай, хозяин, вставай! – толкал его Черномазик.– Совсем худо!

– Да, что?

– Смотри.

И Святополк увидел. В двух шагах от него высилась фигура какой-то твари, которой, видимо, только костёр мешал подобраться поближе и кинуться на спящих.

– Раздувай огонь! – закричал сын Ратибора, и, выхватив из огня тлеющую палку, швырнул её в зверя. Но то оказался вовсе не зверь.

– Карам! Это Карам! Упырь! – вопил домовой.– Стрелка! Стрелка Стережного!

Но человек и нечисть уже схватились. Витязь широкими взмахами меча гнал вурдалака прочь от проснувшихся, сжавшихся в ужас доростольцев, а тот отмахивался жёсткими крыльями, утыканными шипами. Но назначение крыльев этим не исчерпывалось. Внезапно взлетев, нечистый изогнулся и ударил молодого князя копытом. Отбиться-то Святополк успел, но всё одно – неожиданно вышло, а оттого покатился воин кубарем, а Карам бросился сверху. Клыки потянулись к горлу упавшего витязя, но здесь кто-то тонким хриплым голосом возопил: «Рок и свобода!».

Маленький мохнатый комок отделился от дерева и, отчаянно вереща, спикировал Караму на спину. Упырь встrepенулся, зарычал, но домовой не промедлил и с размаха всадил серебряную стрелку ему в загривок. Заревел нечитый, вскочил, подпрыгнул, попытался сбросить Черномазика, но тот обеими руками вцепился в стрелку и держался изо всех сил. Серебро жгло, терзало упыря. Он метался, взлетал, подсакивал, падал, снова взлетал. Наконец догадался, изловчился, выдернул стрелку и отбросил её в траву. Вместе с ней, так и не выпустив её из рук, свалился на землю и домовой. Святополк же, коротким рывком приблизившись к Караму, одним махом разрубил его надвое.

«Победа?» – мелькнуло в голове князя. Но, к сожалению, расслабиться не удалось. Потому что вся округа внезапно наполнилась шелестом и свистом. Что-то закружило вокруг, и гнетущий чёрный страх ворвался в сердце молодого ратника.

– Лови, – услышал он, и подарок Стережного, брошенный ловкой рукой домового, упал князю в ладонь.

– Я никого не вижу! – прокричал сын Ратибора.

– Сейчас.

Трёх неуловимо быстрых движений хватило маленькому отчаянному духу, чтобы очутиться на шее Святополка.

– Я, я вижу! – воскликнул он.– Берегись! Справа!

Князь пронзил воздух. Кто-то вскрикнул.

– Ты его ранил! – возликовал домовой.– Нужно добить. Видишь облако дыма – это его кровь. Нет, потом. Слева! Их два!

«Словно в схватке вслепую», – подумалось второпях. Воин сомкнул веки. Впрочем, и к этому привык. Не раз затеивал экзерцитиумы с завязанными глазами.

Влево. Вперёд. Обернулся. Выпад!

– Есть! – выкрикнул Черномазик.– Ещё один!

– Где они? – спросил молодой воин.

Домовой расцепил взмокшие от усилий пальцы, которыми он обхватывал Святополка, и медленно сполз на землю.

– Устал, – просипел он и заковылял по траве. Пройдя чуть вперёд, в темноту, домовик взгляделся во что-то невидимое.

– Вот большой, – проговорил он.– Хм... Готов! А вот у костра... надо же! И этого ты к тётке Маре¹⁹ отправил! Ну, еноты-барсуки, лихо ты их, княже!

– Стой! – вскричал тут молодой витязь.– А где упырь?

Святополк и Черномазик огляделись.

– Он же вот тут был.

– Ну, да. Около костра.

– Я же его напололам разрубил. Сам же видел. Куда он делся?

Но Черномазик уже всё понял и досадливо махнул пушистой лапкой.

– Всё, хозяин. Дивиркиз²⁰ подполз неслышно. Ушла тварь клюворылая!

– Да как ушла? – возмутился воин.– Я ж его сам, своей рукой...

– Да ушла, тебе говорю. Сросся и сбежал, пока мы тут с «чёрными» махались.

– Сросся? – не понял князь.– Это ещё как?

– Просто. Взял и склеился. Это ж – длак²¹. Его пока в сердце не ткнёшь – не сдохнет.

– Тьфу ты! – сообразив, что ничего не поделаешь, сказал Святополк, а потом вздохнул и добавил:– Всё равно, я его когда-нибудь прикончу.

– Да где ж теперь искать? Сам-то, небось, уж не больно сунется.

– Поживём – увидим. Ты мне лучше скажи, что это за нечисть невидимая здесь летала?

– Страхи ночные, – ответил домовый.– Гадость отменная. Два было, большой и маленький... Не, ну лихо ты их, хозяин!

– Большой и маленький, говоришь? – переспросил князь.– Оба липкие такие?

– Ну вот, – удивился домовый, – а сказал: не видел.

– Правда, не видел, – отозвался витязь.– Это я вспомнил. Из детства²². Потом расскажу.

Будет тебе сказка на ночь.

– Ладно, – согласился Черномазик.– Ты, может, это, поспишь ещё? Пока время есть.

– Посплю, – ответил князь, – но сначала «доростолов» найдём. Златка, Огнен, где вы?

Выходите. Всё кончилось.

– Та тут мы, – откликнулись доростольцы.– Поховались, егда²³ бисы налетели.

Святополк подбросил в костёр веток и сел, прислонившись спиной к дереву. Черномазик задумчиво стоял подле огня, кидая в него шишки.

– Ну что, напарник, как мы их? – сказал молодой князь.

– Да какой я тебе напарник, – проговорил домовый.– Так, сподмог чуток. А вообще-то, спасибо. Хотя воином мне быть как-то не с руки. Какой из полазника²⁴ воин? Не люблю я этого. Буду я лучше при тебе шутом да скоморохом. Должен же кто-то говорить тебе правду? Да ещё так, чтобы ты не обижался?..

¹⁹ Отправить к тётушке (иногда, к бабушке) Маре – убить. Мара – богиня смерти.

²⁰ Дивиркиз – один из младших богов. Покровитель охотников. Ему приносят жертвы, чтобы хороша была охота на зайцев. Называют так же «заячьим богом». «Подполз Дивиркиз», означает: пришёл конец. Вопрос о возникновении идиомы неясен.

²¹ Упырь.

²² См. «Приложения к I части».

²³ Когда (ю.-з. дорост).

²⁴ Шутливое прозвище домовых на севере Роца.

Глава 3

– 1 —

Солнце бросило первый томный взгляд на уснувшую под туманом землю, растворило сумрак, а остатки его погнало в низины, где он и притаился до следующей ночи, прикинувшись тенью. Потом какой-то небесный алхимик, видимо убедившись, что мрак повержен, не спеша обратил предрассветный жемчуг в серебро, а затем и в золото, и уже тогда начал неспешно будить лес и его обитателей.

Доростольцы, проснувшись с птицами, сразу принялись хлопотать. Никакие передряги не могли, наверное, разрушить привычный уклад их жизни. С утра пораньше Огнен, успевший смастерить какую-то снасть, выловил в реке пару форелей, которых назвал «солнечко», а Златка сварила уху. Так что, когда Святополк встал, костёр уже дымился, а завтрак ждал на застеленном по траве рушнике.

Черномазик, ночевавший свернувшись калачиком подле молодого князя, заворчался, сел, потянулся и, не открывая глаз, проговорил:

– Просыпаться не хочу.

Кое-как всё ж таки поднявшись, причём, наперво на четвереньки, а уж потом во весь рост, он проковылял к дорожной суме и со словами:– Будешь ехать, меня не забудь, – забрался в неё и притих.

– Есть будешь? – окрикнул его Святополк, но домовый уже спал.

– 2 —

До Веймона, второй большой реки, пересекающей Безымянный лес, оставалось менее тридцати вёрст, и Святополк очень спешил. Совсем не хотелось провести ещё одну ночь в компании призраков и вурдалаков. И весьма кстати пришлось то, что Огнен поймал двух бухнадаровских лошадей, и семья доростольцев не задерживала движение князя.

Однако всё равно, уступая своему желанию поскорее выбраться из чащи, молодой воин постоянно вырывался вперёд. Даже несмотря на то, что дорогу (достаточно протоптанную, но узковатую), всё время перегораживали склонившиеся чуть не до земли ветви. Оттого, наверное, Святополк и не обратил внимания на очередное опасно нависшее над просекой дерево. А оно вдруг приподнялось вверх и, описав в воздухе немалую дугу, с криком: «Ух!», обрушилось на голову всадника.

Ветролёт рванулся и помчался вперёд, унося домового, мирно спящего в сумке. А Святополк без чувств остался лежать на тропе.

– 3 —

Солнце било в глаза, мешая хорошенько рассмотреть рой разноцветных бабочек, падающих на землю на манер дождя. И так было хорошо! Но боль в руках и затылке мешала сладкой радости и принуждала очнуться.

Воин, прищурившись, глянул. И стоило ради такого глаза открывать? Над ним высились двое страшилищ огромного роста, с лицами... хм... с мордами, заросшими спутанной бурой шерстью, с ручищами, покрытыми причудливыми безобразными бородавками, в грязной рванине, мало походившей на какую-либо человеческую одежду. Так что увиденное, князя, скажем так, не вдохновило. Но уныние – последнее дело, не так ли?

– О, Триединый, чудны твои дела, – произнёс молодой ратник, мысленно отблагодарив небеса за то, что додумался нацепить шлем, – Что ж это за уроды?

– Ха! Смотри, он заговорил! – прорычал один из великанов, ничуть не обидевшись, а даже улыбнувшись.

– Мы тебя сейчас съедим, богатырь! – весело выкрикнул второй. – Потому, что нас зовут Бука и Хыка, и мы такими, как ты, завтракаем.

При слове «Хыка», он ткнул себя узловатым пальцем в грудь, наверное, для того, чтобы будущий завтрак с ним предварительно познакомился.

– Молись своим богам, рыцарь! – И оба страшилища захохотали так, что затряслись верхушки деревьев.

Святополк попробовал пошевелиться (да и голову ощупать не мешало б – на предмет шишек и синяков), но с ужасом обнаружил, что связан по рукам и ногам. «Беда! – подумал он. – Что же делать?» Но обдуматься не успел.

– Вон, вон они! – послышался голос.

Кричала Ниточка.

– Уходите! – немедленно откликнулся витязь, понимая, что из-за него и доростольцы могут попасть в лапы великанов.

– Сейчас разберёмся, – послышался тут чей-то незнакомый голос.

Кое-как повернувшись, Святополк разглядел между деревьев целую процессию. А впереди шагали два незнакомых старика.

И настолько они чудно выглядели, что молодой воин уставился на них во все глаза, даже на мгновение забыв о своём затруднительном положении, грозящей ему мучительной смертью. А, кроме того – мелькнула мысль: появление новых действующих лиц всегда может изменить ситуацию. И поскольку в худшую сторону уж менять некуда, то, стало быть...

Итак, взору князя открылись два кряжистых старика, наряженных в одинаковые полусапожки на толстой подошве и одинаковые же сиреневые кафтаны. Причём, первый из них – рыжебородый – ехал верхом на быке, а второй, ведший коня под уздцы, обладал бородой совершенно немыслимого красного цвета. К тому же, на его плече примостилась, болтая ногами и, сплёвывая шелухой от семечек, крошечная сморщенная старушонка.

– Эй вы, бездельники! – крикнул рыжебородый, слезая с быка и поглаживая его по боку. – Что вы тут задумали?

– Ничего мы не задумали и, вообще, идите своей дорогой, – потупя взор, но, однако, решительно пробубнил Бука, ощупывая пояс.

– Да ты, никак, дубинку потерял, сосед? – проговорил второй старик. – А ведь её Хыка украл.

– Это не я. Я не крал твоей дубинки. Её украл не я, – затараторил Хыка, беспомощно озираясь по сторонам.

И тут старушка, сидевшая на плече краснобородого, открыла рот и, указывая пальцем на Хыку, прошамкала:

– Горячо!

И все увидели, что шапка на нём дымится.

– Ай! – завопил Хыка, схватил свой колпак и швырнул его наземь. Тот тут же вспыхнул ярким жёлтым пламенем, а его обладатель бросился бежать, как лиса от гончих. Бука, изрыгая страшные проклятия, немедленно кинулся за ним, ломая и круша попадающиеся на пути деревья.

– 4 —

– Ну, вот, юноша, на этот раз всё для тебя окончилось благополучно, – проговорил рыжеволосый старик, разрезая бечёвку, связывающую сына Ратибора.

Молодой человек встал, отряхнулся, назвал. Княжеский титул, однако, не произвёл на спасителей Святополка никакого впечатления. Вроде как, каждодневно (хотя, кто знает, может, так и было?) они встречаются с наследниками престола.

– Я – Хохлач, – сказал старик, протягивая руку.

– А я – Капчо, – произнёс второй.

«Имена! – подумал молодой витязь. – А ведь это те...» В этот момент он, конечно, не подозревал, что истинные прозвания стариков гораздо проще, и звучат вполне по-людски, а точнее, по-роцки, однако известны очень и очень немногим.

– Вы братья Стережного? – спросил он, потирая запястья.

– Да, – с некоторым удивлением, ответил за обоих Хохлач. – А ты что, его знаешь?

– Он меня знает, – промолвил витязь. – Мы встретились, когда я выехал из Рудана.

– Предостерегал?

Князь кивнул.

– Ну, это он любит. А, вообще-то, правильно делал. Тебе ещё учиться и учиться, – проговорил Капчо.

– Наговорил, наверное, много? – вставил Хохлач.

– Многовато, – согласился Святополк. – Я всего и не понял.

– Стережный знает, что говорит, – строго произнёс старик. – Попусту языком не трепет.

Про барона сказал?

– Да.

– А про Ма-ара?

– Нет. Кто это? А, подожди, это ж колдун тот, что с упырём клюворылым.

– Красивую ты Караму кличку вымыслил, – улыбнулся Капчо.

– Не я. Это Черномазик. Он у меня мастер на... – Святополк замялся.

– Афоризмы всякие, – помог договорить старик.

– Да, на афоризмы, – неуверенно подтвердил молодой князь, подумав, что ему ещё, и в самом деле, учиться и учиться. Потом, желая пояснить, добавил:

– Черномазик – это домовый.

– Знаем, – сказал Капчо.

– Он у меня с конём...

– Найдётся. Что ему сделается? – перебил Хохлач. – Ты, молодой человек, лучше побеспокойся о своей задачке. Ма-ар что-то вместе с Бухнадаром затевает. Сами пока не поймём, что. Ты бы поосторожнее.

– Постараюсь, – вымолвил Святополк, зная, впрочем, что он и осторожность как-то плохо сочетаются.

Здесь послышался топот копыт. Это возвращался к хозяину Ветролёт. Черномазик сидел у него между ушами. Придержав коня, домовый прыгнул на землю и подбежал к Святополку.

– Всё нормально, хозяин? – прокричал он. – Я спал. Ничего не понял.

– Обошлось, – ответил витязь, вкратце пересказал последние события и представил стариков домовому. Но они оказались знакомы.

– Чем ты бороду красил? – сделав ударение на последний слог, обратился Черномазик к Капчо.

– Я сразу понял, что тут без тебя не обошлось, – сказал старик и, обращаясь уже к брату, добавил: – Копия – дед, скажи?

– Похож, – проговорил Хохлач. – Придётся тебе ему ответить, не отвяжется.

– Не краской и не замазкой. Я на солнышке лежал, кверху бороду держал.

– Совсем другое дело. Теперь вижу, что это вы, те самые.

Святополк, растерянно улыбаясь, наблюдал за странным ритуалом.

– Ладно, Чёрный, – промолвил Капчо, – позабавились, и хватит. Нам теперь надо с твоим хозяином маленько о деле потолковать. А дело такое, – обернулся он к князю, – Я думаю, Бухнадар понимает, что власть его к концу подходит. И сговорился с Ма-аром, что тот ему в подмогу всю нечисть подымет. Так это или не так, проверим. Тут, как говорится, возможны варианты. Наши друзья как раз нынче к колдуну подъедут, пообщаются. А ты, Святополк, продолжай свой путь. Твой черёд ещё не пришёл. У каждого должно быть своё начало. А как всё исполнишь, тогда и об остальном поговорим.

На протяжении разговора доростольцы стояли несколько в стороне, никак не вмешиваясь, и только Ниточка, в конце концов, не выдержала и подошла ближе. Она внимательно посмотрела на молодого витязя и серьёзно сказала:

– Ты храбрый! Если бы они напали на тебя в честном бою, ты бы не посмотрел, что они великаны, а задал бы им как следует.

Святополк немного смутился, а Хохлач, поглядев на девочку, ободряюще произнёс:

– И то верно, князь. Она права. Мы этих лесных пугал хорошо знаем. Есть у них такой обычай каверзный – бить из засады путника по голове целым деревом. А вот в честном бою... И вообще, за этими Букой и Хыкой нужен глаз да глаз. Вечно что-нибудь напакостят. Так что нам приходится держать ухо востро.

– 5 —

Раз все в сборе, можно и путь продолжать.

– Переночуешь сегодня у нас, – сказал Хохлач молодому князю. – И хуторян твоих приютим, не беспокойся. Место всем найдётся. Дом большой. А завтра на рассвете из леса выведешь. Нам сейчас – главное Веймон перейти, а что тут осталось? Если в котурах²⁵ считать, то совсем ерунда.

– Хохлач, – проговорил Святополк, – а почему Бука и Хыка вас так испугались? Они, в самом деле – великаны, а вы – два пожилых человека.

– Вот именно, что пожилых, – ответил старик. – Мы уже пожили, свой путь прошли. Тем более – начало. Подожди немного. Сам, глядишь, таких сил наберёшься, ещё тормозить придётся.

– Зачем меня тормозить? – не понял витязь.

– Ну, это я так. Авось, не придётся. Были такие. Все мелкие боги от них разбежались, пока Семаргл не вмешался. Ох, большая беда была. Да ты помнишь! Это ведь всего десять лет, как минуло. У вас в Рудане тоже тогда буря прошла, и Перун молнии кидал. За подлецом мокинзарским стало присмотреть некому. Попрятались все кто куда, вот он и пошёл со своей ордой. Да, большая беда, – повторил старик. – У вас в Роце, ещё что. А вот в Гиспии тогда целый город в океан смыло. Дорип, слышал? Нет? Ну, и не услышишь. Нет его больше. А в Галиндии вулкан проснулся. Лев-гора. Три деревни, как корова языком...

– А...

– Ш-ш-ш! Тихо! – вдруг пришикнул старик, не дав Святополку задать очередной вопрос. Капчо же, ехавший вместе с остальными чуть сзади, ничего шипеть не стал, потому как все и так молчали (а старушка на плече и вовсе спала), а таинственно прижал палец к губам, указав куда-то вперёд. Там, в едва различимой за ветвями, глубине леса, двигалось, осторожно ступая, нечто невиданное.

«Неисповедимы, ох, неисповедимы пути богов!», – подумалось молодому князю, едва разглядел он самое странное существо, какое только можно себе представить. С лошадь, пожа-

²⁵ Котур – старинная мера длины в Исвегии и на севере Гринуэлла. Примерно равна 10 вёрстам.

луй, величиной, с членистыми, как у богомола конечностями, с крыльями стрекозы за спиной. А вот голова человеческая. Точнее, мужская голова, бородастая, короткостриженная.

Не спеша, существо прошло ещё немножко вперёд и, словно б, приглядываясь к чему-то, остановилось. И тут же лес под его взором стал таять, словно бы растворяясь, а на месте, где только что трепетали по ветру осины и берёзы, выплыл из ничего высокий хрустальный дворец.

Спутники Святополка, явившиеся невольными свидетелями этого дива, не удержались и ахнули как один, но странный волшебник этого не заметил, а, возможно, не обратил внимания, так как дворцестроение, очевидно, весьма его увлекало.

А чертог так и сиял, освещаясь изнутри разноцветными фонариками. В глубине что-то двигалось, жило своей загадочной жизнью. В окнах мелькали чьи-то силуэты, на башнях размахивали флагами.

Между тем, существо, которому, видимо, пришлось по вкусу его творение, сделало по направлению к дворцу несколько неторопливых шагов. И тогда прямо к его ногам протянулась, словно гигантский золотой язык, широкая кружевная лестница. По ней необычный волшебник и прошёл внутрь. А когда овальные, покрытые перламутром двери захлопнулись, окна будто бы расцвели, засветились ещё ярче, и заиграла музыка.

Святополк хорошо рассмотрел лесное чудо. Особенно поразил огромный хвост, увенчанный шипом.

– Загляделся? – проговорил Капчо, похлопав молодого воина по плечу.

– Ещё б!..– прошептал тот, с трудом отрываясь от диковинного зрелища, – Но – кто это?

– Скорпион. Могучий чародей. Лучше по пустякам его не тревожить. Хвостом мечет отравленные стрелы, одним желанием творит всё, что угодно – любую вещь. Ты сам видел.

Видели это и доростольцы. А Черномазик и старушка на плече у Капчо продолжали спать.

– 6 —

Дорога, вроде бы, так уверенно бежавшая к мосту через Веймон, внезапно оборвалась у берега. Переправы не было. Сгорел мост. Причём, по всей видимости, недавно. Запах гари ещё витал в воздухе.

– Да что ж им неймётся?! – в сердцах бросил Капчо.– Явно поджог кто-то.

– Эх, Скорпиона сюда бы, – с сожалением проговорил Святополк.

– Ну, Скорпиона беспокоить не станем, – ответил Капчо.– Он же не совсем человек. Ему наши людские дела как-то, знаешь... Что-то другое думать надо.

– Лодку нужно шукать, – подал голос Огнен, – чи плот рубить.

– Ничего рубить не будем, – помолчал, произнёс Хохлач и посмотрел на брата.

Тот почесал в затылке, кивнул и легонько пошевелил плечом, на котором, сладко посапывая, спала старушка. Потревоженная этим движеньем, она открыла глаза и недовольно взглянула на стариков.

– Ну не сердчай, Матрёша, – ответил Капчо на её полный укора взгляд.– Дело важное. Моста нет, а переправиться нужно.

– Вечно с вами, оголтелыми, что-нибудь да случится, – проворчала Матрёша, и с неожиданной грацией прыгнув на землю, засемила к воде.

«Двадцать лет прожил, ничего такого не видел, – подумал Святополк, – а тут за три дня сразу столько всякого...»

Но в это время невеличка удивила ещё больше. Она зашла в воду, поплыла, а после вовсе нырнула и скрылась в глубине. Впрочем, через пару мгновений выглянула на поверхность и, подплыв к берегу, прокричала:

– Будет вам лодка!

Потом, резво выбравшись из реки, и по-собачьи отряхиваясь, добавила:

– А вот лошадям и бычку твоему вплавь придётся.

– И за то спасибо, – поклонился Хохлач и, обращаясь уже к молодому витязю, проговорил:– Ну, вот и всё. Переберёмся! – и указал рукой куда-то вниз по течению.

Чёрная точка, показавшаяся вдаль, быстро росла – вскоре князь разглядел довольно большую лодку или, скорее, чёлн, который стремительно приближался.

– Как это он? Сам, что ли? – молодой воин обернулся к старикам.

– Да почему, сам? – ответил Капчо.– Бобры толкают. Не те, которые водяные, а которые звери. Нашли где-то и к нам пригнали. Матрёна договорилась. А как переправимся, так обратно оттащат.

– А-а-а, вот в чём дело... – потеряв подбородок, только и промолвил витязь.

– 7 —

Люди разместились в лодке, быка Хохлач привязал за длинную верёвку к корме, а с лошадьми вызвался плыть Огнен, сказавший, что он на Малой Рузе вырос и – «привыкши».

Святополк снял привязанную к седлу сумку с Черномазиком, перекинул через плечо, взялся за вёсла. О тожен на Рузе вырос, только на Большой, и потому с вёслами управляться умел. Старики вызвались ему помогать, а Златка села к рулю.

Огнен ввёл лошадей в воду. Шлюпка отвалила от берега, пошла следом. Мерными взмахами Святополк вместе со стариками гнал лодку к другому берегу. Неторопливое течение Веймона им не мешало, и всё шло отлично, но на середине реки чёлн внезапно во что-то упёрся. «Ну, надо ж! Откуда здесь – на стремнине – отмель?» – досадливо поморщился князь. Однако хорошенько обдумать сей загадочный природный феномен не удалось. Потому что...

– О, Перун, помоги нам! – выкрикнул Хохлач.

– Я так и знал!!! – воскликнул Капчо. И в руках у братьев тут же вместо вёсел возникли длинные кривые сабли.

– Гребите, князь! – прокричали почти хором старики и принялись бить оружием по воде. А за борта лодки уже хватались чьи-то когтистые лапы.

В днище что-то вонзилось. Похоже, гарпун. В чёлн хлынула вода, и Златка бросилась вычерпывать – сначала руками, а потом чашкой, которую вытащил из сумки проснувшийся Черномазик. Огнен, к тому моменту уже достигший противоположного берега, стоял, беспомощно сжимая кулаки, сознавая, что никак не может помочь дочке и жене. А в лодку карабкался огромный водяной с кинжалом в зубах. Капчо одним ударом опрокинул его обратно в воду.

– Что ж они делают?! – вскричал Святополк, яростно работая вёслами.– Они ж – наши друзья!

– Да не водовики это, – пропыхтел Хохлач, без устали машущий саблями.– Это кароконджо! Не видишь, какие у них рожи синие?

Князь бросил взгляд. Точно! Тёмно-синяя (почти чёрная) кожа, жёлтые мутные глаза. Нет, определённо, не водяной.

– А вот то – уже наши друзья, – прохрипел Капчо.

Река забурилась. К месту схватки людей и кароконджо приближалась целая армия водяных. Лодка, пробитая десятками ударов, медленно тонула, Златка и домовая черпали, Матрёна наваливалась на руль, Святополк что было сил грёб и только одна Ниточка сидела не шелохнувшись, во все глаза рассматривая надвигающееся подводное войско.

Водовиков, которые шли в атаку, было, по меньшей мере, раз в десять больше, чем кароконджо. И синекожие дрогнули, бросились врассыпную. А чёлн, наполовину уже затопленный, ткнулся носом в илистый берег.

– 8 —

– Приехали, – пытаюсь отдышаться, просипел Капчо.

Старики выбрались из лодки. Святополк передал им Ниточку, Черномазика и Матрёну, затем вылез сам и помог сойти Златке. А после все повернулись к воде, желая посмотреть на исход битвы и отблагодарить своих, так кстати, появившихся спасителей. Но всё опустело. Ни караконджо, ни водяных.

– Куда они делись? – домовой взбежал на пригорок и рассмотрел реку оттуда.

Хохлач и Капчо переглянулись.

– Синебрюхие сбежали, – произнёс Хохлач задумчиво, – а вот водяные... Странно...

– Что за караконджо такие? – спросил, подходя к ним молодой витязь. – Никогда о них не слышал.

– Тоже подводные. Нашим водяным родня дальняя. Только живут не здесь, а за тридевять земель. В Мокинзаре, Арамеке, Гаузии. Откуда они у нас взялись? Вот вопрос.

– Слушай, а может, уже Ма-ар за дело принялся? Подтягивает к Бухнадару нечисть знакомую, – проговорил Святополк, вспомнив о недавнем разговоре.

– Всё может стать, – промолвил Капчо. А Хохлач добавил:

– Скорее всего, так и есть.

Матрёна перебросилась парой фраз на диковинном зверином языке с одним из бобров, вышедшем на берег, и люди, погрузив поклажу на лошадей и быка, направились дальше.

– 9 —

Несколько часов спустя путники добрались до жилища стариков. Дом, в самом деле, оказался большущий, двухлетний²⁶, огороженный высоким, но каким-то чахлым забором – кто захочет, тот пролезет. Заметив, что Святополк обратил на это внимание, Хохлач сказал:

– Кто нас не побоится, через любой частокол перескочит, а тын – он для того, чтоб козы ни ушли.

Целое стадо коз, тут же, как бы объясняя слова старика, появилось из-за угла.

– Вы у нас в гостях, – громко, обращаясь ко всем, проговорил Хохлач, – Проходите, располагайтесь. Матрёна вас проводит. Там козье молоко и сыр. Отдыхайте. А мы ещё по хозяйству похлопочем. Впрочем, ты, князь, останься.

Когда доростольцы и домовой, следуя за Матрёной, зашли в дом, Капчо посмотрел на брата и проговорил:

– Иллюзия, значит. Интересно... Не ты, говоришь? И не я. Мы – пеньки трухлявые – не смикитили... А вот ты, молодой человек, что думаешь? Кто картинку створил? Да ещё так вероподобно. И не признался, и виду не подал.

– Так мне не почудилось? – пробормотал Святополк. – Водяных на самом деле не было? Одна видимость?

– Видимость-то, она, видимость, но кто её нарисовал так красиво?

– Ладно, давай в дом зайдём, – сказал Хохлач. – Я, кажется, догадываюсь, кто. Но больно уж диковинно получается.

Поднявшись по ступенькам крыльца, старики и молодой воин вошли в дверь и оказались в просторной комнате, которую предоставили для ночлега доростольцам.

– Это не Златка, – проговорил Капчо, поглядев на брата.

– И не Огнен, – произнёс Хохлач.

– Это Ниточка, – в один голос сказали оба.

²⁶ Двухэтажный.

Девочка сидела в углу и возилась со старой тряпичной куклой.

– Я её сейчас спать уложу, а потом сама спать буду, – ответила она, по-своему истолковав вопросительный взгляд стариков.

– Это правильно, – одобрительно заметил Хохлач. – Куклам тоже спать надо. Но ты нам другое скажи: как водовиков сделала?

– Не знаю, – не отрываясь от своего занятия, сказала девочка. – Как-то само вышло.

– И давно ты так умеешь?

– Та, з младости, – ответила за неё Златка.

– Вы, паны калугеры²⁷, – вставил Огнен, – не мало подывитесь, егда побачите, шо вона на усах мовах гуторить може. И по-роцки, и по-гринульски, и по-маврийски даже. Как потщатися²⁸.

Ниточка уложила, наконец, куклу и подошла к старикам.

– Я, когда вырасту, – серьёзно проговорила она, – буду королевой. Только ещё не знаю где. А пока я маленькая. У меня других дел полно. У меня, вон, Лиська не спит, – и указала на игрушку. – Её уложить надо.

– Хорошо, – согласился Хохлач, – это тоже дело.

– Пошли! – обратившись к брату и Святополку, произнёс Капчо и подтолкнул их к выходу. – Дайте людям отдохнуть.

– 10 —

– Надо бы Грегину рассказать, что такая Ниточка объявилась, – сказал Капчо, когда втроём вышли они из дома.

– А кто такой Грегин? – тут же задал вопрос Святополк.

– Ох, князь, ничего-то ты не знаешь, – пробормотал Хохлач. – Это Великий магистр Ордена.

– Какого? Фиосинистов, что ли?

– Их самых, – улыбнулся Хохлач. – А больше пока не скажу. Начало сперва пройди.

Молодой воин промолчал, взглянул исподлобья. Плюнуть что ль на начало, на путь и на прочую колдовскую дребедень?.. Ладно, утро рассудит. Пожал плечами и отправился спать.

²⁷ Калугер – почтенный старец (ю.-з. дорост.).

²⁸ Сильно удивитесь, когда узнаете, что она на всех языках говорить может. И по-роцки, и по-гринуэльски, и по-маврийски даже. Как захочет (ю.-з. дорост.).

Глава 4

– 1 —

Зимцерла²⁹ ещё лениво просыпалась, пытаясь приподнять набухшие от росы ресницы, а молодой князь уже выехал из леса, который окончился внезапно и остался позади плотной зелёной стеной. Доростольцев воин доверил попечению стариков. «Там им точно будет спокойнее, чем со мной», – не без основания подумал он.

Впереди лежали земли новой страны – Гринуэлла. А по пути к столице – Гринтауну – стоял замок пропавшего без вести графа Плантвейна – нынешняя обитель ненавистного Бухнадара.

День намечался пасмурный. Накрапывал мелкий дождик. Черномазик сладко посапывал где-то в глубине дорожной сумы. А Святополк, против воли (просто мысли сами лезли в голову) размышлял о каком-то неведомом «начале», которое ему суждено «пройти». А помимо, всё возвращался мыслями к себе. Точно ли князь? Да, точно, точно... Сам же всё уже вспомнил... Но что ж ему так памроки отбило?.. Или Бухнарара так перепугался (он нарочно ввернул язвительное словечко, что б себе побольней сделать), что прям обмер? А коль так – то, ох, как стыдно!.. А коль не так? И кто-то помог? Но кто? Зачем?.. «Безответные это думки, – вздохнул молодой воин, безответные...». Вот и утро не рассудило. Но на всё ответы когда-то сыщутся...

Широкая и ухоженная дорога, по которой ступал Ветролёт, вела, скорее всего, к какому-то городу или большому селу. Святополк же надеялся, что она идёт напрямик к столице. А того лучше, к замку с Бухнадаром. В лесу молодому гриднику дважды случилось пересекать реки – сначала Нейс, а потом Веймон, и свое месторасположение он вычислил довольно легко. Получалось, что сейчас он, очевидно, где-то в треугольнике между границей Безымянного леса и двумя реками – Нетце на северо-западе и Веймоном на юге.

– 2 —

Дорога – не лес. И молодой витязь, конечно, хорошо понимал, что нарваться на «рыжих» здесь – плёвое дело, или как бы выразился Черномазик, «что улиткой подавиться». Но не для того он сюда запёрся, чтобы сложить буйну головушку в драке с первым же сторожевым разъездом. Он – благоразумный и рассудительный разведчик и, поэтому... должен... А, бес с ним, с разведчиком!

Увидев впереди отряд «рыжекафтаных», Святополк не колеблясь, направил коня прямо к ним.

Властный окрик и копыта, направленные в грудь, всё же заставили молодого воина придержать коня, который, почуяв настроение всадника, нетерпеливо пританцовывал. Но отступить сын Ратибора не умел.

– Я – Святополк, князь Роца! – гордо проговорил он, ни мало не озаботясь тем, что мокинзарцы роцкий не понимают. – Если вы, рыжехвостые, сейчас не посторонитесь, то всем вам Курдуш³⁰ будет по полному списку!

Бухнадаровцы переглянулись.

²⁹ Богиня утренней зари.

³⁰ Курдуш – один из злых духов. «Курдуш будет» – конец придёт.

– Нэ га бэцар³¹, – сплюнув, лениво процедил сквозь зубы один из них, видимо военачальник, так как его шлем украшал высокий султан из перьев. – Курма нали³².

И взмахнул булавой. По этому знаку пятеро «рыжих» отделились от отряда, сделали небольшой полукруг и понеслись на князя, грозя поднять его на копьё. Укрывшись щитом, и так же сжимая рукой копьё, Святополк – эх, была не была – ринулся им навстречу. Он сшибся с первым, выбил его из седла и выхватил меч. В следующее мгновение он уже пронзил второго, а третьего разрубил пополам. Коня четвёртого укусил Ветролёт. Лошадь взвилась на дыбы и сбросила всадника. Пятого Святополк ударил в горло кинжалом. «Вот вам и Курдуш!» – пронеслась удалая мысль.

Остальные воины противника, обескуражено наблюдавшие за странным поединком, вдруг опомнились и схватились за арбалеты. Но не одна из стрел не достигла цели. Лишь несколько, слегка царапнув по броне, срикошетили и нырнули в траву, не причинив молодому ратнику ни малейшего вреда. Святополк же, недолго думая, выкрикнул свой боевой клич и погнался Ветролёта в самую гущу врага.

Совсем не ожидавшие такого поворота событий, «рыжекафтаные» пришли в замешательство. Кони их сбились в кучу, и когда молодой витязь врезался в их отряд, никто не смог оказать ему достойного сопротивления. Под его ударами один за другим мокинзарские воины летели на землю, и когда двадцать из них уже были повержены, шестеро последних, видя удивительную неуязвимость противника, пустились наутёк.

А сын Ратибора помчался следом, размахивая мечём, и выкрикивая свой девиз: «Рощ и свобода!»

– 3 —

Однако праздновать победу в сей раз Святополку было не суждено. В то самое время, когда молодой воин мчался за ратниками Бухнадара, обезумевшими от страха, а Ветролёт едва не доставал мордой до хвоста, скачущего впереди коня, на холме, слева от разворачивающихся событий, появился высокий всадник, в полосатой красно-чёрной ферязи и шлеме, полностью скрывающем лицо. На его шее висела чудесная хрустальная цепь, а внутри каждого её колечка сверкали и переливались, словно капельки росы, шарики ртути – волшебного жидкого металла.

Понаблюдав за поединком, что близился к исходу, всадник покачал головой, а потом словно нехотя, лениво дотронулся до своего хрустального амулета и что-то глухо, сквозь шлем, проворчал. Тот час сознание Святополка затуманилось, сердце его остановилось. Он умер мгновенно, так и не настигнув тех – последних шестерых.

Они же, видя, что Святополк мёртв, осадил лошадей и, ещё не придя с себя от страха, теперь с не меньшим ужасом взирали на красно-чёрного всадника. А тот, совсем не торопясь, спустился с холма и подъехал к тем, кто уцелел после страшной и такой нелепой битвы с сыном Ратибора.

– Э валэ ца матар цанэ канн? Ка лавэр у? Ба абир, на батэр. Шилум би сарац. Батэс аминахар. На кирут матарет. Жимас³³! – со злостью проговорил он и, вонзив шпоры своему жеребцу в бок, ускакал.

Ещё несколько минут упавшие ниц ратники не осмеливались подняться из клубов медленно оседающей пыли. Наконец тот из них, что так недавно гордо восседал на коне, командуя отрядом, приподнялся, отряхнул кое-как одежду и невесело пробормотал:

³¹ Какой ты наглец (курфи).

³² Убейте его (курфи).

³³ Я должен сам объезжать свои владения? И охранять их? Вы зайцы, а не воины. Возвращайтесь в замок. Там вас закуют в кандалы. И не вздумайте бежать. Хуже будет! (курфи).

– Лупас, каши канатур, Бухнадар-эка³⁴.
Но силуэт чёрного всадника уже растаял вдали.

– 4 —

Князь огляделся. Он находился в тёмной долине. Впереди – на холме, поросшем мхом и осокой, кренилась ветхая деревянная хижина с заколоченными окнами и дырявой крышей. Чёрная покосившаяся дверь скрипела на ржавых петлях при каждом порыве ветра, который свободно разгуливал, сметая листья, сухую траву и всё, что не могло противиться его воле.

Немного уняв волнение, воин ступил к подножию холма. С каждым шагом порывы ветра становились всё сильнее и яростнее, и вскоре настоящий ураган бушевал по округе. Казалось, ветер противится желанию человека. Но путник не обращал на это внимания. Он решительно приблизился к не прекращающей скрипеть двери и, с силой толкнув её, прошёл внутрь.

Когда глаза немного обвыклились с темнотой, витязь увидел, что находится в просторной, высокой, почти пустой комнате. Пара колченогих стульев прислонившихся к стенам – вот и вся обстановка. Ни сундука, ни лавки. Зато на одной из стен – старинная, тронутая тленом парсуна с несущимся на всех парусах кораблём. Яркая картинка, точно живая. И стоило лишь взглянуть – всё тут же вскипело: вспенилось море, заскрипели мачты. И будто б вырос, надвинулся парусник на безрассудного, потревожившего его покой.

Витязь, не ожидая подобного, отпрянул. А трёхмачтовик продолжал стремиться вперёд – вскоре стали видны даже детали оснастки.

И здесь на палубе появилась молодая красивая женщина с длинными распущенными волосами и лицом, искажённым гримасой гнева. В ярости обернулась она к пришельцу. Колдунья (а в её принадлежности к злему чародейству воин нисколько не усомнился), взмахнула мечом, намереваясь обрушить его на голову витязя, но здесь другой меч, направленный незримой рукой, возник из пустоты и отразил удар. И видение исчезло, будто б ветер задул свечу или волна лизнула песок.

Но здесь же вспыхнуло видение другое. Целое семейство демонов, визжа и кривляясь, спрыгнув с потолка, устроило в комнате хоровод, поминутно хватая молодого витязя за руки – приглашая войти к ним в коло. Воин хмурился, сторонился нечистых. И тогда, видя, что ничего у них не выходит, трое демонов выбежали за дверь и тут же явились снова, толкая впереди себя гроб, который установили посреди комнаты. А рядом неожиданно выплыл из тьмы человек – высокий худой старик – стоящий на коленях со связанными сзади руками. «Если хочешь, витязь, мы пощадим его, – пропищали злые духи, – а взамен ты с нами спляшешь».

«Прочь!» – вскричал тогда воин и бросился вон из осквернённого нечистью дома. Мчались за ним какие-то огромные птицы без перьев, плевали вслед кусками твёрдого синего огня, пламя обжигало спину, да так, что скоро вся одежда дымилась. Задыхаясь, мчал он, не разбирая дороги. От того, верно, и зацепился за вылезшую из-под земли корягу, со всего маху упал и покатился по кочкам. «Всё! – подумалось тут же. – Загрызут!»

«Держись!» – словно бы в ответ, услышал он голос деда Всеслава.

И всё стихло.

– 5 —

А в ту пору по дороге к замку во весь дух мчался всадник. Приблизившись к месту недавнего сражения, он с удивлением огляделся и хрипло захохотал.

³⁴ Слушаюсь, великий владыка, достопочтенный Бухнадар (курфи).

– Славная битва, – отсмеявшись, пробормотал он на курфи и, без труда перейдя на гринуэльский, добавил: – Двадцать дружинников Бухнадара и один юноша! Да и то, сдаётся мне, не они совладали. Видать, сам великий снизошёл – потрясал тут своей проклятой цепью.

Молодцевато соскочив с лошади, всадник, со словами: «Он может быть опасен!», крепко связал Святополка. А после снял со своей шеи начищенную до блеска медную цепь.

И вдруг напряжённо замер. «Неужели? – сказал он сам себе. – Не может быть!» Он тронул рукою цепь, которую одела на Святополка Весена. «Невероятно! – воскликнул неизвестный. – Просто невероятно! Какая удача!» Он даже вскочил на ноги и обратил взор к небесам, как бы намереваясь отблагодарить богов за неожиданный подарок, но быстро взял себя в руки и вновь опустился на колени рядом с покойным.

– Вот так, – аккуратно снимая с витязя волшебный амулет, произнёс неизвестный. Потом сосчитал деревянные звенья, удовлетворённо хмыкнул и уложил веригу в широкий карман. И только потом неспешно дотронулся до лба поверженного воина своей медной цепью.

– 6 —

Святополк разлепил веки и, вздохнув, устремил взгляд на незнакомца.

– Кто ты, юноша? – услышал он на чистом роцком, – Отвечай, ибо ты мой пленник.

– Я – Святополк, сын Ратибора, – с трудом ворочая онемевшим языком, ответил молодой воин.

Во всём теле ощущалось приятное покалывание. Организм оживал и члены, которые было сковал смертный холод, обретали прежнюю упругость.

– А я – Хынсебен Ашан. И я только что оживил тебя, – произнёс неизвестный. – Так что, несмотря на то, что я тебя связал и намереваюсь отдать в лапы самому Бухнадару, которого ты, наверное, всей душой ненавидишь, ты должен быть мне благодарен.

Хотелось бы что-то дерзкое ответить, да с языком беда, а мычать невнятное-жалкое – зачем? Поднялся кое-как с помощью Хынсебена и в седло взгромоздился. К Бухнадару? Хм... Из огня да... Впрочем, поживём – увидим! Жаль, помощи ждать не приходится. Ни Черномазика, ни Ветролёта поблизости, ни стариков краснобородых...

– 7 —

Черномазик засопел, очнулся. Такая глубокая ночь стояла вокруг и такая темень разливалась повсюду, что аж небо лоснилось, а жуть брала да не отпускала. А ещё мёртвые тела вокруг. «Ох, мама, – пролепетал маленький дух, который, к слову, был вовсе не робкого десятка. – Нешто и хозяин смерть свою тут обрёл?». Голова домовёнка раскалывалась от страшной боли и, дотронувшись до лба, он обнаружил огромную шишку.

С мрачным удовольствием выискав, помимо шишки, с дюжину синяков, отметив, что, благо, ничего не оторвало (а из сумы выбросило, видать, так, что летел он – будь здоров!), полазник поднялся на ноги и, пытаясь не кряхтеть, побрёл по степи. Нет, хотя, убитых было много, тела князя он не обнаружил, и это вселило некоторую надежду. А коль есть надежда, то можно и дальше жить! Да и подкрепиться не грех! Вырыв из земли пару съедобных корней, домовик немного утолил голод, а затем почти бодро зашагал в ту сторону, куда уходили следы Ветролёта.

Так прошагал он едва ли не с версту, и совсем уж было успокоился, но тут посреде благостной тишины послышались тяжёлые хлопки больших крыльев. Повинуясь древнему инстинкту, Черномазик, не задумываясь, бросился на землю и вжался в колючую траву. «Нечисто дело, – подумалось сразу же. – У совы или летучей мыши крылья куда как меньше, чем у того, кто тут надо мной вьётся».

К сожалению, прав он оказался. Более того, действительность совсем скверной вышла! Куда дурнее самых дурных предчувствий! Не успел Черномазик распластаться по шипастой траве, как позади ухнула о землю грузная массивная туша. Опасливо оглянувшись, домовый угадал Карама – зелёного упыря, о котором успел уж и позабыть. Тот, как сразу выяснилось, видел в темноте отнюдь не хуже домового и, потому, без промедления, со скрипом сложив кожистые крылья, ринулся вперёд, намереваясь схватить маленького друга Святополка. «Гореть тебе в Тартаре!», – возопил домовик, вскакивая с травы и намереваясь подороже продать свою жизнь, но в этот момент кто-то схватил его за ноги и потащил вниз – в узкую и сырую нору.

Наново Черномазик испугаться не успел, а когда ж отдышался и пришёл в себя, то увидел, что сидит он на чистом земляном полу, аккуратно выстланном сухим мхом. По углам небольшой уютной пещерки (совсем-совсем небольшой, ибо разместиться там могли, от силы, трое-четверо таких маленьких существ, как Черномазик), тлели воткнутые в стены гнилушки, распространяя вокруг мягкое голубоватое сияние. А напротив домового по-хозяйски расположился зверёк, покрытый чёрной бархатистой шерстью. Размерами, пожалуй, ещё помельче Черномазика.

– Я – Крот, – посвистывая, представился зверёк. – То есть, это меня так зовут. А, вообще-то, я полевой дух. Полевик.

– А я домовый Черномазик. Спасибо за помощь. Как не ты бы...

– Ой!.. Я, как упыря увидел, как испугался! – воскликнул полевик, забавно прижав лапки к оттопыренным ушам. – И давай тебя тянуть!

– Вовремя, – проговорил домовик. – Если б... прямо не знаю... Съел бы он меня, наверное.

– Не, они таких, как мы не едят. Точно.

– А зачем я ему тогда? – не понял Черномазик.

– Ну, мало ли...

– Слушай, а ты по-роцки шпаришь... Наш, что ли?

– Родители мои сюда перебрались, когда на нашем лугу летавицы³⁵ завелись. Ох, и злющие твари! Грубые! Скандальные! Да ещё гадят вокруг!.. Да только и здесь не мёд. Одни бэнши³⁶ чего стоят. Летают, проклятые. Воют. Житья не дают. Похлеще летавиц... А на днях какая-то новая гадость завелась, ползала. Я такую раньше и не видел.

– Нам тоже что-то новое попало, когда через лес ехали, – вставил в монолог полевика Черномазик. – Караконджо называются. Вроде наших водяных, но синемордые и пакостные очень.

– Сказали, много нового будет, – просвистел задумчиво Крот. – Ещё бэнши с этими караконджами родными покажутся.

Вот так, рассказывая друг другу всякие страшилки, простые безобидные духи, что так легко сошлись меж собой, провели ночь. А под утро, когда капельку вздремнув и слегка подкрепившись, Черномазик попрощался с полевым и вылез на поверхность, его кто-то грубо схватил его и повалил на спину.

Карам дождался его. Быстро и ловко орудуя длинными пальцами, из которых сочилась тугая клейкая нить, упырь моментально сплёл вокруг маленького духа надёжную и крепкую сеть.

– Но ты же не пьёшь кровь домовых! – это было единственное, что успел прокричать Черномазик, прежде чем клей измазал его губы.

³⁵ Злые духи в человеческом облике. Чаще, в женском.

³⁶ Злые духи в странах Запада. Наполовину ведьмы, наполовину призраки. В общем, страшное дело.

Глава 5

– 1 —

Старый, завитый плющом замок, принадлежавший прежде графу Плантавейну, состоявшему с правящими герцогами в близком родстве, высился в самом центре обширного плоскогорья. Вокруг, куда ни кинь взор, зеленели небольшие дубовые рощицы, служившие пристанищем для многочисленных птиц и зверей. А сочность трав и необыкновенное разнообразие цветов заставляли путника остановиться и замереть в восхищении. Однако теперь странники проходили здесь не часто, не то что раньше. И наполняли округу лишь солдаты в рыжих кафтанах да их небольшие лошадки.

А когда-то, в доордынские, благословенные времена жизнь тут так и кипела, и дом был, что называется, полная чаша. Сновали по дорогам расторопные гонцы и герольды; бесчисленные работники графа – садовники и метельщики, конюхи и кухарки, горничные и пастухи, впрочем, всех и не перечислишь – сбиваясь с ног, спешили исполнить указания энергичных и предприимчивых хозяев, а сами Плантавейны вовсе не старались изображать из себя чопорных и надутых господ, а постоянно искали занятий для души и сердца, не чураясь при этом самого простого труда.

Но всё закончилось в одночасье. Старый граф погиб на охоте – спасая юного ловчего от стаи волков, а спустя месяц налетел со своей ордой Бухнадар.

Вот тогда замок (ведь единственный наследник бесследно исчез), и превратился в штаб Владыки Мокинзара, откуда тот, как гриф с поднебесья, озирает захваченные страны.

– 2 —

Святополк ощупал стены. А что ж ты хотел? Вполне себе тюремные стены – влажные и осклизлые. Долго тут не протянешь. Окошко одно, и то на самом верху. Ещё и решёткой забрано. Да, брат, дела скверные. Дышать нечем, спать негде, бежать, во всяком случае, сейчас, невозможно. Не тюрьма даже – пещера! И что делать?

Невесёлые эти размышления прервал скрежет открываемого засова. В подземелье, пригнувшись, заглянул Хынсебен.

– Привет, Святополк, сын Ратибора! – весело проговорил он. – Как устроился?

Молодой князь бросил на вошедшего тяжёлый взгляд, ничего не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.